

18+

Александр Заиконников

ИСТОРИЯ ЗАПАДА КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭРА

ТОМ II

Александр Заиконников

**История Запада.
Колониальная эра. Том II**

«Издательские решения»

Заиконников А. Г.

История Запада. Колониальная эра. Том II / А. Г. Заиконников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982968-9

Панорамная работа по истории Нового времени, ориентированная на массового читателя. В доступной для восприятия форме освещаются основные события западноевропейской истории XVI — XVIII веков (от открытия Америки Колумбом до Семилетней войны включительно). В фокусе повествования находится колониальное соперничество ведущих западноевропейских государств и история образования на североамериканском континенте тринадцати английских колоний.

ISBN 978-5-44-982968-9

© Заиконников А. Г.
© Издательские решения

Содержание

История Запада	6
АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КОЛОНИЯХ И В ЕВРОПЕ	7
Великий век	9
Галантный век	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

История Запада. Колониальная эра
Том II
Александр Геннадьевич Заиконников

© Александр Геннадьевич Заиконников, 2020

ISBN 978-5-4498-2968-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-1453-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**История Запада
Колониальная эра
II ТОМ**

(Второе издание, переработанное)

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В КОЛОНИЯХ И В ЕВРОПЕ

В первой половине XVIII века политическая карта Европы претерпела весьма незначительные изменения в сравнении с политической картой второй половины XVII столетия. Но, того же нельзя было сказать о балансе политических сил. Этот баланс в отличие от географических границ изменился весьма существенно. Прекратил свое существование геополитический треугольник: Англия-Голландия-Франция. Соединенные провинции вышли из большой политической игры, всецело погрузившись в тот мирный и благополучный провинциализм, который умиротворяет нас на картинах Яна Вермеера и Питера де Хоха.

Тем не менее, Англия и Франция не были предоставлены сами себе или, точнее друг другу. На европейском политическом поле начали появляться новые игроки. Московское царство, после разгрома Швеции в Северной войне, через прорубленное Петром Великим «окно» с интересом, без робости и смущения засматривалось на Европу. Нависая масштабами своих непреодолимых пространств, населенное полудикими не то славянскими, не то татарскими народами, это государство таило в себе и угрозу и загадку. Реорганизовавшись внутренне, заметно усилившись, Московское царство, под именем Российской Империи, по мере его действительной или мнимой европеизации все более активно включалось в европейские дела. Из-за имевшихся у этого евроазиатского колосса ресурсов, открывшегося, но до конца еще не реализованного потенциала, Россия была способна влиять на европейскую политику, как казалось, одним фактом своего существования.

Другим новичком, включившимся в большие европейские игры, совсем крошечным на фоне необъятной России, но решительным и дерзким, было Прусское королевство. Через год, после того, как Петр I начал рубить свое «окно в Европу» (через конфронтацию со Швецией), а именно в 1701 году, произошло объединение двух небольших немецких княжеств – входившего в состав Священной Римской Империи маркграфства Бранденбург и формально не входившего в состав Империи герцогства Прусского. Вновь образованное Прусское королевство, с двумя политическими центрами – Кёнигсбергом и Берлином, в будущем сыграло роль объединителя немецких земель и стало военным и политическим ядром Германской империи.

Одной из будущих жертв Прусского королевства стала Австрия, которая в первой половине XVIII века еще сохраняла главенствующее положение в центральной (немецкой) части Европы. Австрийские Габсбурги в самом начале XVIII столетия лишились династических связей с испанскими монархами, что привело к ослаблению их общеевропейских позиций. Тем не менее, если вынести за скобки Россию, Габсбургская империя, включавшая в себя Австрию, владения Габсбургов в Восточной Европе и формально Священную Римскую империю, представлявшую, как и раньше конгломерат мелких, полунезависимых германских государств, была по своему военно-политическому потенциалу третьей силой в Европе.

Что касается Испании, то эта страна во внешнеполитическом отношении деградировала все сильнее. Формально Испания все же не утратила подобно Голландии, или побежденной Россией Швеции, место на главной европейской сцене. Вместо этого Испания лишилась своей собственной внешнеполитической линии. Оказавшись под властью французских Бурбонов, Мадрид не был настроен (кроме периода Регентства) вести самостоятельную политическую игру. В параде коалиций XVIII века испанцы, за редкими исключениями, повторяли чьи-то движения. И чаще всего это были движения связанного с ними новыми династическими узлами северного соседа.

Были ли у Франции шансы добиться в XVIII веке преобладания в континентальной Европе: захватить и удержать в орбите своего влияния не только Испанию, но также политически раздробленные Германию и Италию, независимую Голландию, и прочие мелкие европей-

ские государства? Ведь именно эти цели ставил перед собой на рубеже двух столетий французский король Людовик XIV? Ретроспективно, нам теперь известно, что Франция проиграла свою борьбу Англии. Однако, что характерно, эта борьба Англии и Франции за Европу не была очевидной для ее современников, ведь Франция и Англия никогда не оставались наедине, а соперничали всегда в составе больших и постоянно менявшихся коалиций. Тем не менее, если оторваться от сложной мозаики дипломатических союзов и запутанных династических связей и рассматривать европейские дела с расстояния, как панораму, то вектор англо-французского противостояния будет хорошо заметен.

Ретроспективно просматривается еще и то, что соперничество Англии и Франции было не европейским, а мировым противостоянием. Будет ошибкой воспринимать его только как колониальный, либо только как европейский конфликт, вытекающий из стремления Англии помешать «плохому парню» Людовику XIV превратиться в господина Европы. Борьба Англии и Франции охватила мир целиком, она велась в Америке, в Азии, в Африке и на просторах мирового океана, точно так же как и в Европе. Этим своим качеством англо-французское противостояние решительно отличалось от предшествовавшего ему англо-голландского противостояния, которое было морским и колониальным, по сути.

Если подняться еще выше и окинуть взором события сразу трех веков мировой истории – XVI, XVII и XVIII, то будет очевидно, что Англия, в процессе создания своей колониальной империи, прошла последовательно через три крупных геополитических конфликта. XVI век был памятен англо-испанским противостоянием, XVII век – англо-голландским, ну и, соответственно, XVIII – англо-французским. Из всех этих конфликтов Англия вышла победителем. И по завершении каждого из названных конфликтов, Англия становилась сильнее, чем была до этого. В XVI веке это была второстепенная европейская страна, не имевшая своих колоний, сопротивлявшаяся политическому и религиозному давлению превосходившей ее почти во всем Испанской империи. В XVII веке Англия обзавелась колониями и недвусмысленно продемонстрировала претензии на господство над мировым океаном. И наконец, в XVIII веке она это господство приобрела.

Нельзя сказать, что Франция проиграла Англии в борьбе на суше. Франция потерпела поражение исключительно на море. Но из-за общего превосходства морской стратегии над сухопутной, это поражение, вместе с вредоносными внутривнутриполитическими миазмами французского абсолютизма, предопределило итоговый неблагоприятный результат для французов. Этапы англо-французского соперничества, коих можно выделить три, в целом совпадают с фазами внутренней французской истории. Эти этапы можно соотнести с так называемым «Великим веком» (период правления Людовика XIV), «Галантным веком» (эпоха Регентства и время самостоятельного правления Людовика XV) и периодом, предшествовавшим Великой французской революции (правление несчастного Людовика XVI). Последний этап, стал для Франции в ее конфликте с Англией фазой реванша. Находившаяся на пороге банкротства и революционных потрясений страна, употребила последние средства на то, чтобы помочь 13 американским колониям завоевать независимость от Англии. Франция тогда сыграла роль повивальной бабки США. Но для Франции это была почти бессмысленная победа, так как эта победа не только не усилила, но еще более ослабила Францию. Этот последний этап англо-французского соперничества, по результатам которого поражение потерпели обе враждующие стороны, а в выигрыше оказалась третья сторона – США, следует разбирать уже в контексте другой книги, об Американской революции. Здесь же мы рассмотрим два первых этапа: «Великий век» и «Галантный век». И, кроме того, мы еще выделим в отдельное рассмотрение те события, которые происходили в интересующий нас период, непосредственно на колониальном театре.

Великий век

Собственно Великий век во Франции старого порядка начался еще при Генрихе IV. Это был период силы французского государства, начиная со времени его внутреннего возрождения после издания Нантского эдикта (окончание религиозных войн), и заканчивая временем, когда французское государство надорвалось (иначе не скажешь) в своей «борьбе за Европу» при Людовике XIV – «короле-солнце».

Считается, что Людовик XIV был сыном Людовика XIII и, соответственно, внуком Генриха IV, этого умного и расчетливого гугенота, сменившего веру ради власти над Францией, и даровавшего вслед за этим Франции религиозную свободу. Матерью Людовика XIV была Анна Австрийская – представительница испанских Габсбургов (дочь короля Испании Филиппа III). Отношения внутри супружеской пары Людовика XIII и Анны Австрийской были сложными. Факт сердечной неразборчивости королевы сохранился в народной памяти и даже нашел отражение во французской литературе (все мы помним «Трех мушкетеров» А. Дюма). Наследника французского престола, дофина Франции, склонная к изменам Анна произвела на двадцать четвертый год ее замужества. К тому времени многие считали, что король детей иметь не может и рождение наследника походило на чудо. Вскоре у королевской четы появился еще один ребенок.

Дофин Людовик остался сиротой и был провозглашен новым королем Франции в 1643 году. На момент смерти старого короля, мальчику было четыре полных года. Править в таком возрасте, он, разумеется, не мог, и регентские функции исполняла его мать, но не одна. Руководство государственными делами Анна Австрийская препоручила своему любовнику. Избранником уже немолодой вдовствующей королевы стал кардинал Джулио Мазарини – человек способный, но совершенно не популярный ни при дворе, ни в народе.

Событием, оказавшим большое влияние на характер и образ мыслей «короля-солнца» стала Фронда. Бегство в Сен-Жерменское предместье из оскалившегося баррикадами Парижа, в начале 1649 года, стало потрясением для молодого короля. Впоследствии Людовик XIV неоднократно вспоминал события тех лет, как испытанное им страшное унижение. Вместе с Людовиком XIV в Сен-Жермен-ан-Ле бежала вся его семья: брат, мать и, разумеется, любовник матери Джулио Мазарини. Восставший Париж разродился тысячами памфлетов, так называемых «мазаринад», в достаточно сальном стиле обыгрывавших отношения Анны и кардинала.

*«Народ, гоните прочь сомнения: правда в том, что он занимается с ней любовью и своей дыркой она нас дурит».*¹

Французские историки до сих пор спорят, чем была Фронда для Франции – этот изначально народный бунт, получивший название в честь детской забавы («la fronde» означает по-французски «праща», «рогатка»). Фронда не была попыткой буржуазной революции во Франции предпринятой на манер английской (в год бегства Анны Австрийской и Людовика из Парижа, в Лондоне английскому королю отрубили голову). Фронда не была замешана, в отличие от английской революции на религиозном противостоянии, несмотря на то, что некоторые из ее «мазаринад» носили антиклерикальный характер. Целью народных острот была не католическая церковь, а только один ее представитель. Скорее всего, Фронду не следует вообще воспринимать серьезно, в ней, несмотря на трагические элементы, было слишком много от народной игры. Родовые муки абсолютизма – вот, что такое Фронда, последнее дурачество и попытка свободно вздохнуть тех, кому в скором будущем суждено было быть задавленным властью.

---

¹ Цит. по: Ферро М. История Франции. – М., 2015. – С. 191.

И это определение, справедливо, скорее всего, не только в отношении народной Фронды, или как ее еще называли «парламентской Фронды» (1648—1650 годов), но также и в отношении «Фронды принцев» (1650—1653). Поражение последней, самой кровавой, кардинал Мазарини, нанес тем, что оставил Францию. Участники Фронды, объединенные одной только ненавистью к кардиналу, перессорились и начали бороться друг с другом. Итальянец с самого начала проявлял удивлявшую многих гибкость, демонстрируя стремление идти на уступки. Люди требуют отставки сюринтенданта финансов Мишеля д'Эмери? – Ну что же, власть не против... Люди требуют предоставить свободу оппозиционеру Пьеру Брусселю. – Да, ради Бога, пожалуйста!

Действия упомянутого Мишеля д'Эмери по введению «туазе» стали поводом для беспорядков, охвативших в 1648 году пригороды французской столицы. Подходила к концу Тридцатилетняя война, налоговый гнет был ужасен. «Туазе» или штрафы, установленные против тех, кто не был в состоянии уплатить все налоги, стали для парижан, если так можно выразиться, последней каплей. Советник Пьер Бруссель – коротко стриженный и костлявый член парижского парламента, враг Мазарини, пользовался популярностью не столько благодаря уму, сколько благодаря своей порядочности и неподкупности.

Парижский парламент, оппозиционно настроенные советники которого, подобно Брусселю, играли роль мозгового центра народной Фронды, являлся судебным органом. Парижский парламент, таким образом, не был парламентом в современном понимании этого слова. Парижский парламент и провинциальные парламенты во Франции имели мало общего с Вестминстерским Парламентом в Англии, так как члены их не избирались и не являлись, соответственно, представителями народа. Судебные места во французских парламентах традиционно и совершенно официально приобретались за деньги, либо переходили по наследству. Но вследствие этого, их члены, точно так же как и в английском Парламенте, не были обязаны своим продвижением королю. Буржуазное нутро этого делового, зарывшегося в бумаги народа, всех этих юридических советников, делало их как бы независимыми, но, в то же время, оно их и ограничивало, если здравый смысл требовал подчиниться королю. Французские провинциальные парламенты были сами напуганы характером народных волнений. Они боялись утратить контроль над ситуацией не меньше Мазарини. Имея перед глазами пример утонувшей в крови Англии, парламентские советники сочли за лучшее помириться с королем. Психологически это было совсем не сложно, так как предметом их раздражения был исключительно Мазарини, а не Анна Австрийская и тем более не молодой Людовик XIV.

Парламентская Фронда закончилась подписанием Рюэльского мира. Это случилось 11 марта 1649 года, слишком быстро, чтобы можно было поверить в окончательное завершение смуты. Мазарини остался у власти, то есть причина всеобщего недовольства не была устранена. Парламентская Фронда окончилась, но ей на смену пришла Фронда принцев. Новая Фронда была движением исключительно политическим, она не несла в себе в отличие от народной Фронды сколько-нибудь выраженной социальной окраски. Проще говоря, это была борьба за власть и только. За возобновлением беспорядков стояли представители высшей французской знати.

Принц Конде (Луи II де Бурбон, известный как Великий Конде), талантливый французский полководец и герой Тридцатилетней войны, возглавлял правительственные войска во время парламентской Фронды. Однако принц Конде ненавидел Мазарини не меньше Брусселя и простого народа. Строя планы подчинить своему влиянию несовершеннолетнего монарха, и тайно надеясь на то, что волнения черни приведут к падению итальянца, принц Конде остался недоволен условиями Рюэльского мира. Еще одним недовольным был влиятельный коадьютор (заместитель) архиепископа Парижского Поль Гонди. Этот амбициозный клирик хотел заполучить кардинальскую шапку и, так же как и Конде, увеличить свое политическое влияние через смещение с политического олимпа Мазарини.

Недовольство знати вызревало девять месяцев и раскрылось в попытке государственного переворота в январе 1650 года. Анна Австрийская и Мазарини тогда отдали приказ арестовать принца Конде и его посвященного во все тайны свояка – герцога де Лонгвиля. Этот приказ повлек за собой волнения, обернувшиеся гражданской войной. Большую активность проявила Анна Женеви́ева де Бурбон-Конде, сестра принца Конде и жена герцога де Лонгвиля. Герцогиня, имевшая репутацию первой красавицы Франции (хотя глядя на ее портреты, такого не скажешь), спровоцировала восстания в провинциях, губернатором которых являлся ее муж: в Нормандии, Гиени, Бургундии и Пуату. Другая принцесса крови, герцогиня де Монпансье, возбудила Орлеан. Сторону фрондеров принял также влюбленный в герцогиню де Лонгвиль виконт де Тюренн.

Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн был, вне всяких сомнений, одним из лучших полководцев своей эпохи. И во многом, именно благодаря ему было нанесено военное поражение Фронде принцев. Дело в том, что уже в мае 1651 года чувство долга у этого человека возобладало над любовью, и он примирился с королем. 2 июля 1652 года состоялось решающее сражение в Сент-Антуанском предместье. Командовавший королевскими войсками Тюренн, наголову разбил принца Конде. Последний, благодаря помощи герцогини де Монпансье, или как ее еще называли «Великой Мадемуазель», успел укрыться за стенами Парижа.

Кроме побед Тюренна, поражению Фронды содействовала неспособность французской знати достичь единства. Мазарини предусмотрительно покинул Францию. Он остановился у курфюста Кёльна, поддерживая тайную связь (через переписку) с Анной Австрийской. Фрондеры, лишившись их главного раздражителя, ожидаемо перессорились. Даже коадьютор Поль Гонди, казавшийся непримиримым, после того как получил страстно желаемый им кардинальский сан, подобно Тюренну покинул Фронду принцев.

Неспособность принца Конде найти общий язык с парижанами и его бегство в находившуюся в состоянии войны с Францией Испанию, стало завершающим аккордом восстания. Конде покинул Париж, ну а Анна Австрийская вместе с сыном – Людовиком XIV торжественно въехала в столицу (21 октября 1652 года). Народ ликовал, королевская власть торжествовала. Мазарини был достаточно умен, чтобы не портить людям праздник. Без лишнего шума (но с немецкими наемниками) он вернулся в Париж и возобновил работу спустя полгода.

***

Решительное и на этот раз уже окончательное поражение Фронды, привело к восстановлению порядков существовавших во Франции до ее начала. Фискальные акты, послужившие причиной народного недовольства, продолжали действовать в полном объеме. Французской элите из-за гордости не желавшей подчиняться чужестранцу, пришлось смириться. Мазарини крепко держал в своих руках бразды правления государством, вплоть до своей кончины в 1661 году.

К чести его правления, восстановление королевской власти, не повлекло за собой жестких репрессий. Лидеры Фронды, и в том числе принц Конде, фактически совершивший государственную измену, после того как потерпев поражение, бежал к испанцам, отделались лишь изгнанием. Многие из них были впоследствии прощены и возвращены ко двору.

Фронду иногда считают карикатурой на английскую буржуазную революцию. Историческое значение Фронды видят в том, что она показала неспособность французской аристократии справиться с управлением страной в отсутствие короля и его центрального аппарата. Народная Франция, задавленная прессом налогов, взбрыкнувшая и поднявшаяся на дыбы, дабы это бремя сбросить, оказалась на поверку «королевской страной». Народ был инкорпо-

рирован в государство, а государство, в свою очередь, инкорпорировано в королевскую власть. За последние полвека значение королевской власти во Франции возросло на порядок. За этим стояла политика Генриха IV, по-новому расставившего приоритеты, в частности, впервые поставившего государственные интересы выше религиозных.

За усилением центральной власти стояла также политика первого министра Людовика XIII кардинала Ришелье. Его трудами французское государство баснословно разбогатело за счет собственного народа. Налоги за время его нахождения у власти выросли в 3 раза. Ришелье подрезал крылья в угоду сильному государству не только третьему сословию, но и французской знати, лишившейся замков, вооруженных свит, права дуэлей, и издревле присущего ей гонора, совершенно бесполезного с точки зрения Ришелье для французского государства. Ну а триумфом религиозной политики покойного Генриха IV, отделившего государственные интересы от интересов церковных, стало вступление при кардинале Ришелье, Франции в Тридцатилетнюю войну. Католическая страна, словно позабыв о том, что она католическая, руководствуясь национальными интересами, приняла протестантскую сторону.

Политика Мазарини ничем не отличалась от политики Ришелье. Отличия можно было найти только в личностях первых министров. Кардинал Ришелье был чуть жестче, кардинал Мазарини – чуть гибче. Оба были одинаково умны. Францией они управляли, словно играли шахматную партию, тщательно и вдумчиво взвешивая ходы. Поражение, нанесенное Фронде, можно, таким образом, считать за окончательную победу политики Ришелье-Мазарини, когда все сословия французского общества, в равной степени, были подчинены королевской власти, склонились перед всеобщей этикратической идеей и объединились в служении государству.

Но было и еще одно значение у Фронды. Политическая стихия, вышедшая из под контроля, напугала молодого Людовика XIV. Влияние, оказанное Фрондой на еще неокрепшую психику короля, можно сравнить с влиянием кровавых стрелецких бунтов на молодого русского царя Петра I. Повзрослевший король впоследствии приложил все усилия к тому, чтобы события его молодости не повторились. Единственным способом гарантировать это с его точки зрения, было, как можно сильнее укрепить королевскую власть. Франция, отведав пьянящих плодов вседозволенности, качнулась подобно маятнику в противоположную крайность – к абсолютизму, ничем и никем не ограниченному правлению Людовика XIV.

Следует отметить, что в начале этого правления, Французское королевство представляло собой, по-видимому, наиболее централизованное и наилучшим образом организованное государство Европы. Заслуги самого «короля-солнца» в этом не было никакой. Людовик XIV, вопреки распространенному мнению, не был создателем французского абсолютизма, восседая на троне, воздвигнутом его предшественниками, он был всего лишь его физическим воплощением. Молодой король пришел на все готовое, но по итогам более чем полувекового правления, к моменту своей смерти в 1715 году, не сумел удержать завоеванного. Это, тем не менее, не помешало Людовику сохраниться в человеческой памяти в качестве символа той великой исторической эпохи.

***

9 марта 1661 года, уже на следующий день после смерти Мазарини, 22-летний Людовик XIV собрал министров короны. Государь объявил, что отныне он будет управлять Францией единолично, без первого министра, а от собравшихся будет требовать «совета» и не более. В 1659 году, за два года до описываемых событий был заключен Пиренейский мир, окончена война с Испанией. Это была успешная война, Франция имела территориальные приобретения, международный авторитет страны неимоверно возрос. Многомиллионное население, трудилось как проклятое, чтобы уплатить все налоги.

Сам Людовик обладал высокой работоспособностью и испытывал неподдельный интерес к государственным делам. В этом ему следует отдать должное. Королю нравилось решать сложные вопросы, управлять людьми и находиться в центре всеобщего внимания. Вначале могло показаться, что Людовик XIV обладает не только амбициями, но еще и умом. Но эта точка зрения, если учитывать результаты его правления, на самом деле, вызывает споры. Сен-Симон впоследствии, оценивал интеллектуальные способности короля как «ниже среднего». Кто-то считал Людовика дураком, пристрастно взирая на его слабости и совершенно игнорируя его сильные стороны. В противоположность этому, Вольтер относился к Людовику XIV с почтительным восхищением, проецируя на королевскую фигуру достоинства его блестящей эпохи.²

Талант, в котором, строгие критики, тем не менее, как правило, не отказывали «королю-солнцу» – была его способность выбирать себе людей. Короля, делает свита, а свита у Людовика XIV, по крайней мере, на двух первых этапах его правления (так называемые «весна» и «лето») была без преувеличения превосходной. Король оставил доставшийся ему в наследство от Мазарини кабинет министров нетронутым. Самой большой жемчужиной в этой человеческой сокровищнице был Жан-Батист Кольбер. В составе правительства остались также Лион, Мишель Летелье и его сын Лувуа. Людовик избавился только от суперинтенданта финансов Николя Фуке, упразднив после ареста Фуке саму его должность. Генеральным контролером финансов (вновь учрежденная должность со сходным функционалом) был назначен Жан-Батист Кольбер. Однако за этой, вне всяких сомнений, полезной для Франции рокировкой, стояли не ум и предвиденье, а зависть и злость короля.³

Николя Фуке был интереснейшим персонажем эпохи – сыном чиновника средней руки, происходившего из расположенной у «черта на рогах» и нелюбимой при дворе, из-за ее местечкового сепаратизма, Бретани. Этот человек сделал поистине головокружительную карьеру, вершиной которой стала должность суперинтенданта финансов Франции. На эту должность Фуке выдвинул Мазарини. Фуке воровал, воровал, собственно говоря, и сам Мазарини. Но в те времена, во Франции коррупция де-факто была разрешена. Моральное право обделывать на королевской службе свои имущественные дела, логически вытекало из практики распродаж государственных должностей. Николя Фуке помимо всего прочего, занимал, например, должность главного прокурора при парижском парламенте. Это была очень дорогая должность, которую Фуке официально купил. Однако все, должно иметь свои пределы и коррупция в том числе. Ошибкой Фуке, как полагали его современники, было не то, что он воровал, а то, что он делал это совершенно открыто, превратив хищения из казны в, своего рода, спектакль, на который с восхищением, негодованием и завистью смотрела вся Франция. Николя был утончен, красив, нравился женщинам, и он до безумия любил внешний блеск. По этой причине, Фуке не скрывал наворованного и даже не хранил его, а театрально спускал на своих любовниц, строительство дворцов и пышные увеселения. В последние годы суперинтенданства Фуке, во Франции сложился, по сути, еще один двор – двор Фуке. И этот двор, при котором состояли и который прославляли такие гении искусства, как Лебрэн, Мольер, Лафонтен, отчасти затмил королевский.

К зависти молодого Людовика XIV, не менее падкого на внешний блеск, чем сам Фуке, примешался еще и спор из-за женщины. Луиза де Лавальер – ранняя официальная фаворитка короля, доложила Людовику об интересе к ней со стороны Фуке. Сам Фуке, несмотря на то, что Луиза имела репутацию первой красавицы, скорее всего, не желал отбивать ее у монарха. Он обхаживал де Лавальер, с целью сделать ее агентом своего влияния. Фуке не учел, одного – того, что очаровательная молодая метресса могла не играть роли возлюбленной, а действительно любить короля.

² Там же. – С. 218—219.

³ История Франции / Под общей редакцией Ж. Карпантье и Ф. Лебрена. – СПб., 2008 – С. 243.

Окончательное решение об аресте Фуке Людовик XIV принял во время празднеств устроенных суперинтендантом финансов в Во-ле-Виконте, в августе 1661 года. Во-ле-Виконт – был новым, только что построенным дворцом Фуке, большим, красивым, роскошно обставленным. Не меньше тысячи человек, включая прислугу, собралось на это грандиозное мероприятие. Все они стали действующими лицами торжественного спектакля, позволить себе который, были в состоянии далеко не все европейские монархи (например, изнывавший от безденежья английский король). Фуке сделал глупость, пытаясь восхитить Людовика роскошью, он добился обратного. Король не был восхищен, он был обозлен, подавлен и возмущен масштабами праздничной акции. От приказа арестовать Фуке непосредственно во время пира, Людовика удержала его мать.

Суперинтендант финансов был взят под стражу лейтенантом королевских мушкетеров д'Артаньяном лишь через пару недель, в начале сентября, при выходе с королевского совета. Часть его хищений, как выяснило следствие, на самом деле была совершена Мазарини, но списали все на Фуке. Доказательства подтасовали. Приговор, тем не менее, был гуманным. Судьи большинством голосов высказались за изгнание, в то время как король желал смертной казни. В итоге возобладали компромиссный вариант, Людовик отменил изгнание и присудил Фуке бессрочное тюремное заключение. На свободу суперинтендант финансов уже не вышел. Большую часть из оставшихся ему двадцати лет жизни, он провел в тюремной камере замка Пеньероль в Пьемонте. В этом же замке содержалась и таинственная «Железная маска» – узник с постоянно закрытым лицом, имевший лишь учетный номер, и не имевший имени. отождествление этого узника с Фуке не правильно, это разные люди. Относительно «Железной маски» и тогда, и позднее, во Франции ходили различные слухи. Поговаривали, что заключенным может быть старший брат Людовика XIV, или даже его настоящий отец, будто бы разделивший, по причине бесплодия Людовика XIII, ложе с Анной Австрийской для того, чтобы та, наконец, произвела на свет наследника.⁴

***

Невеселая история, случившаяся с Николя Фуке, имела двоякого рода последствия. Косвенно она подвигла Людовика к строительству Версаля – королевской резиденции, настолько пышной, что уже ни у кого из монаршего окружения, не могло закрасться и мысли, что по богатству, роскоши и величию, он мог бы тягаться с королем Франции. Еще одним следствием истории Фуке, стало, собственно, занятие его освобожденного места Кольбером.

Как и Фуке, Кольбер имел относительно низкое происхождение. Мы не найдем в нем ни отпрыска французской аристократии, ни даже мелкопоместного дворянина. Кольбер был представителем третьего сословия и по натуре и по происхождению. Отец его был реймским торговцем, хотя, следует признать, весьма зажиточным. Версаль и Кольбер находились в непримиримом антагонизме друг к другу. По большинству расходных статей новый финансовый министр был жаден до скупости и этим являл полную противоположность Фуке. Рассказывают, как этот сын торгаша, вступал в яростные перепалки с Людовиком XIV из-за неоправданных, по его мнению, расходов и испытывал почти физические страдания от тех издержек, на которые в период строительства Версаля и нескончаемых европейских войн его обрек король.

Кольбер, как и все ведущие экономисты эпохи, был одержим идеями меркантилизма. Генеральный контролер финансов следовал по сути той же экономической стратегии, которой настойчиво, на протяжении трех веков придерживалась Англия – то есть политике закрытой торговли и промышленного протекционизма. Вот одно из достаточно красноречивых на этот счет суждений самого Кольбера:

---

⁴ Шарлем Ожье де Бац де Кастельмор, графом д'Артаньяном.

*«...всей Европой управляет не что иное, как некоторое количество денег... Нельзя увеличить доходы королевства, пока их отнимают другие государства... Нужно привлекать капитал, сохранять его, препятствовать его вывозу из страны».*⁵

Начав с борьбы с казнокрадством и с наведения строгой финансовой дисциплины в вверенном ему ведомстве, Кольбер продолжил свою работу масштабной реорганизацией промышленного производства во Франции. Мануфактурное дело не было пущено на самотек как в Англии, оно попало под строгое государственное регулирование. Расширение производства из-за осторожности французской буржуазии, предпочитавшей вкладываться в ренты, должности и земли, финансировалось непосредственно из казны. Жадный во всех иных вопросах, Кольбер в данном случае, не скупился на вложения, ведь он вкладывал деньги в развитие. Вместе с организацией производства товаров по всей Франции строились превосходные дороги. При Кольбере был закончен строительством важнейший Лангедокский канал. Прямым следствием улучшения путей сообщения стала не только активизация торговли, строительство дорог имело еще и политическое значение: возросла централизация и улучшилась управляемость государства.

Конкурентоспособность и международная востребованность французской продукции, по мнению Кольбера, должна была обеспечиваться ее высочайшим качеством. Государство поддерживало контроль над технологией производства. Уставы суконных фабрик Амьена, например, включали 248 статей регламентирующих работу предприятий. Появились мануфактуры, специализировавшиеся на выпуске настоящих произведений искусства – например, гобеленовая мануфактура художника Шарля Лебрена, или стекольная мануфактура в Сен-Гобене, в Пикардии. Продукция последней, ничем не уступала изготавливаемому венецианскими мастерами муранскому стеклу. Кольберу удалось деньгами и преференциями переманить нескольких технологов стекольного производства из Венеции, которые захватили с собой во Францию секреты их ремесла. Система государственных контролеров и повсеместное соблюдение регламентов, достаточно скоро обеспечили французским товарам мировую славу.⁶

В целях достижения положительного внешнеторгового баланса Кольбер установил такие таможенные пошлины, действие которых было равносильно фактическому запрету импорта. На внутреннем рынке, произведенные во Франции товары из-за таможенных барьеров, практически не имели конкурентов. Глава французского финансового ведомства испытывал едва ли не панические страхи перед перспективами оттока из страны капитала, полагая, что мировая экономика функционирует по принципу сообщающихся сосудов и мировая денежная масса является неизменной. Франция в этот период действительно испытывала дефицит платежных средств, что было связано с новой мировой тенденцией сокращения добычи драгоценных металлов и накопления золота и серебра в виде сокровищ. Ходившие во Франции монеты: ливры и су были билонными, их покупательная способность превышала стоимость использованного при их чеканке серебра и золота.

В распоряжении Кольбера было 12 относительно мирных лет (1660—1672), вплоть до начала Третьей англо-голландской войны, за которые ему более или менее удалось уравновесить государственные доходы с государственными расходами. Однако начало войны с Голландией, переросшей буквально через несколько лет, в войну Франции со всей остальной Европой, а также огромные расходы на строительство и обустройство Версаля, привели к росту дефицита бюджета. Государственный долг рос все оставшееся время правления Кольбера, и продолжил расти после его смерти, достигнув в 1715 году (год смерти Людовика XIV) размера в 2 миллиарда ливров. Франция оказалась тогда на грани банкротства.⁷

---

⁵ Ферро М. Указ. раб. – С. 202.

⁶ Там же – С. 203.

⁷ История Франции. – С.245.

Кольберу совершенно не удалась налоговая реформа, но в этом, по-видимому, не было его вины. Задавленное непомерными платежами сельское хозяйство находилось в состоянии стагнации. Генеральный контролер финансов попытался реанимировать его смягчением налогового бремени лежавшего на непосредственных производителях. Правительство отважилось на уменьшение талы – прямого земельного налога уплачиваемого крестьянами. Но для того чтобы казна не потеряла существенной части своих доходов, уменьшение талы было осуществлено как часть крайне непопулярного финансового маневра. Сокращение доходов от прямых налогов, государство пыталось компенсировать увеличением доходов от налогов косвенных – в частности от габели. Габелью назывался соляной налог, действовавший по принципу акцизов. Государство обязывало оптовых торговцев отпускать соль перекупщикам для перепродажи населению по ценам, многократно превышающим ее реальную стоимость. Разница между реальной и продажной ценой шла в казну. Талю во Франции платило лишь третье сословие, а вот габель, испытывая потребность в соли, платили все.

Налоговая реформа Кольбера провалилась. Правительству не удалось уравновесить доходы казны с ее расходами. Перераспределение фискальной нагрузки фактически вылилось в усиление налогового бремени. Если представители элиты могли себе позволить без особого ущерба для своих кошельков приобретать дорогую соль, то бедняки нет. С точки зрения низших слоев, габель была хуже талы. Кроме того, бесконечные войны и расходы на двор, вынуждали правительство экстренно вводить дополнительные налоги, например, гербовый сбор, налоги на крещение, на брачные контракты и прочее... Кольбер был ненавидим за это народом. Крестьянские восстания вспыхивали в провинциях все время пребывания его на должности. С лозунгом: «Да здравствует король без габели!» с вилами и топорами на королевских интендантов бросались крестьяне Оверни, Бурбоннэ, Беарна, Бери и Пуату. В 1674—1675 годах, в самый разгар войны с Голландией, против габели и гербового сбора вспыхнуло восстание в известной своим сепаратизмом Бретани. Когда в 1683 году Жан Батист Кольбер скончался, траурную процессию, во время его похорон, пришлось окружить кольцом солдат, чтобы помешать разъяренной толпе, добраться до катафалка и осквернить его останки.

***

Кольбер был известен напористым и упрямым характером. С его властной и суровой натурой, как рассказывают, при всем при этом, причудливо сочеталась личная скромность. Непомерное честолюбие этого человека находило удовлетворение в усилении государства, которому он служил и для которого существовал. Кольбера нельзя было назвать истинным правителем Франции, по аналогии с кардиналами Ришелье и Мазарини. Тем не менее его роль во французской политике, несмотря на активное участие в государственных делах самого Людовика XIV была куда более значимой, чем можно было бы предположить исходя из его непосредственных обязанностей контролера финансов. Кольбер стал идеологом французской имперской политики и, если так можно выразиться, создателем государственной стратегии Франции. Отличием положения Кольбера от положения всемогущих Ришелье и Мазарини было то, что к несчастью для Франции, этот сильный и умный человек, не сумел полностью подчинить своему влиянию французского монарха. Людовик XIV доверял Кольберу, но важнейшие и ответственные решения принимал всегда сам, руководствуясь, по-видимому, тем соображением, что ему как королю, присуще лучшее знание того, что нужно, а что не нужно французскому государству. Не все идеи Кольбера, нашли практическое воплощение. Главные его идеи, имевшие целью превратить Францию в морскую торговую державу, разумеется, не были

отвергнуты королем, но они были провалены вмешательством Людовика XIV в процесс их реализации.

В 1669 году Кольбер в дополнение к должности генерального контролера финансов занял пост морского министра. Занятие этого поста Кольбером, было обусловлено, тем совершенно верным соображением, что экономическая политика государства, его морская торговля и военно-морская мощь неразрывно связаны. Как человек, обладающий способностью предвидения, Кольбер понимал, что то поле, на которое он пытался вывести Францию уже занято другими игроками. Свое место под солнцем, Франции пришлось бы в буквальном смысле выгрызть. Страна слишком долго была обращена лицом к континенту и спиной к океану. Когда-то это могло не иметь значения, или даже быть оправданным, но только не сейчас, в период рождения колониальных империй. По отношению к Франции действовали те же экономические законы, что и по отношению к сражавшимся за морскую гегемонию Англии и Голландии.

Развитая морская торговля была важнейшим условием государственного благосостояния, и это не обсуждалось. Но вести морскую торговлю мешал меркантилизм соседей, закрывавших порты для иностранных кораблей и иностранных товаров. Существовало всего два выхода из этого экономического тупика. Первый – создание Францией собственной, закрытой от других, колониальной империи, где заморские колонии играли бы роль поставщиков ресурсов и одновременно были бы потребителями произведенных во Франции промышленных товаров. Второй выход состоял в наращивании военной и военно-морской мощи и, как следствие, внешнеполитического влияния Франции, благодаря которым эта страна могла бы диктовать свою волю другим странам, ломала бы чужие навигационные и таможенные барьеры и устанавливала выгодные именно ей торговые правила. Не сложно понять, что первый и второй вариант были неразрывно связаны. Создание разделенной океанами колониальной империи было немислимо без контроля над морскими путями, то есть без многочисленного и хорошо оснащенного военно-морского флота. С противоположной стороны, для создания сильного военно-морского флота, способного завоевать и удержать контроль над морем, флота, который сам по себе бы играл роль политического фактора, требовались колоссальные ресурсы. И эти ресурсы могли быть получены за счет эксплуатации колоний.

Отличие Франции от Англии и Голландии, состояло в ограниченном распространении на нее последнего правила. Внутренне (то есть без учета внешней торговли и экономической эксплуатации колоний) Франция была значительно сильнее и богаче своих геополитических конкурентов. Достаточно сравнить население трех этих стран и учесть, превосходство проработанной в самых мелких деталях и функционировавшей куда более эффективно, чем у соседей французской фискальной системы. В Англии (без учета Шотландии и Ирландии) проживало в то время (на начало XVIII века) от 5 до 8 миллионов человек, в Голландии (без учета Испанских Нидерландов) 2—3, а во Франции 26. Не секрет, что стартовые условия для создания колониальной империи у Англии были лучше, чем у Голландии, однако у Франции эти условия были еще лучше, чем у Англии. Сюда можно было отнести обращенную лицом к океану береговую линию, деньги, много денег и, разумеется, человеческий фактор.

С другой стороны, обширные колониальные владения и мощный флот были условиями выживания для Голландии. Потеряв сильный военный и многочисленный торговый флот последняя, по причине ничтожности своих внутренних ресурсов, утрачивала статус великой державы. В отношении Франции это правило не действовало. Без сильного флота и без колоний, Франция все равно оставалась Францией. Благодаря своим внутренним материальным ресурсам, эта страна при любом раскладе сохраняла статус одной из ведущих европейских держав.

Зачем же тогда Кольберу были нужны колонии и флот? В первую очередь из соображения, что государству, как и человеку удобнее стоять на двух ногах, нежели на одной. Следовало глубоко диверсифицировать государственные доходы, торговые деньги приложить к налого-

вым. Поступления в казну, вне всяких сомнений, увеличились бы в том случае, если бы нация стала богаче благодаря внешней торговле. Создание колониальной империи для французов, хотя оно и не было связано с острой экономической и политической необходимостью, как, например, для голландцев и отчасти для англичан, тем не менее, служило прямым путем к усилению страны. Колонии, которые бы захватила и удержала Франция, уже не могли бы работать на ее конкурентов, они работали бы на усиление самой Франции.

Все, что требовалось в данной ситуации от французского короля, это правильно расставить приоритеты и определить очередность ходов. Следовало ли ему обратить все имеющиеся ресурсы на создание колониальной империи, на строительство торгового, и военных флотов, и уже после этого, то есть после того как удастся закрепить за Францией море, используя не только внутренние, но и внешние ресурсы, начать свое наступление в Европе? Или же следовало проводить агрессивную европейскую политику, направленную на расширение сухопутных границ Франции, в одно время с захватом колоний? – То есть развернуть масштабные и затратные в материальном отношении действия сразу на нескольких фронтах? Кольбер и Людовик мыслили одинаково по части необходимости для Франции активной колониальной политики. Но они разошлись во мнении относительно того, как именно эту политику следовало осуществлять.

***

Кольбер не был тем человеком, который стоял у истоков французского флота. Необходимостью усиления военно-морской мощи Франции озаботился еще Ришелье, который при осаде Ла-Рошели, вынужден был, за неимением собственных, нанимать иностранные военные корабли. Уже через несколько лет после принятия Ришелье решения о строительстве собственного парусного флота, в начале 1630-ых годов, Франция располагала сорока военными кораблями водоизмещением от 200 до 900 тонн, несшими на своих палубах в общей сложности 1400 орудий. За недостатком собственных производственных мощностей, часть французских кораблей строились на голландских верфях. К середине 1640-ых годов количество построенных непосредственно во Франции кораблей возросло, королевский парусный флот, мог похвастаться уже 30 добротными большими судами и приблизительно таким же числом мелких, не считая брандеров. В стремлении потягаться с англичанами, французы построили «Коронн» (фр. «La Couronne») равноценный «Роял Соверену». Украшенный резьбой и позолотой, этот корабль нес на своих деках 72 пушки разных калибров и имел водоизмещение более 1800 тонн. Мы говорим здесь только о французском парусном флоте, предназначенном для действий в открытом море, в то же время у Франции на протяжении более чем полутора веков существовал еще и галерный флот, оперировавший в Средиземноморье. Кроме строительства кораблей, верфей, а также создания береговой инфраструктуры, Ришелье учредил военно-морское училище для дворян. Создание корпуса военно-морских офицеров было ничуть не менее важной задачей, чем строительство кораблей и литье пушек.⁸

Однако, корабли строились, а гардемарины выпускались у французов недолго. При Мазарини, который был занят другими делами, флот не просто пришел в упадок, а был фактически развален. Кольберу, после смерти итальянца, в 1661 году пришлось все начинать сначала. К тому времени у французов оставалось лишь 30 вооруженных парусных судов, среди которых только три несли на своих палубах более 30 орудий. Служба на флоте среди дворянского сословия была крайне непопулярной. Удивительно, но Кольберу, понадобилось всего несколько лет на то, чтобы коренным образом переломить ситуацию. Через пять лет после смерти Мазарини, военно-морской флот Франции имел в своем составе 70 кораблей, причем больше поло-

---

⁸ Штенцель А. История войн на море. В 2-х т. Том 1. – М., 2002. – С. 558—559.

вины из этого числа, были линейными. Еще через пять лет, численность флота была доведена до 196 кораблей, из которых 107 были большими, вооруженными 24—120 орудиями. Дюжина из числа последних несла более 75 орудий.⁹

Возрождение флота было не только количественным. Корпус морских офицеров благодаря восстановленной системе выпуска гардемарин, начал активно пополняться новыми дворянскими кадрами. Чтобы привить флоту армейскую дисциплину, как и в Англии, во времена Кромвеля, осуществлялся перевод на корабли армейских офицеров. Очень важным моментом было и то, что французский флот, по всеобщему мнению, обладал тогда лучшей в мире материальной частью. Введение строгих производственных регламентов на французских верфях, систематичность, использование последних научных достижений и технологических новинок, привели к тому, что по целому ряду параметров французские корабли оказались лучше английских. Хорошо продуманная система установки артиллерийского вооружения и размещения команды, позволила французам при равном с англичанами водоизмещении иметь в боевом отношении более ценные суда. Французские корабли не страдали перегруженностью как английские и вследствие этого были маневреннее и одновременно мореходнее последних. Кроме того, новые французские корабли имели более многочисленную по сравнению с английскими судами команду. Данный фактор имел значение во время боя. От численности экипажа зависела его способность продолжать сражение, несмотря на понесенные в бою потери.

По-видимому, единственным слабым местом созданного Кольбером флота было отсутствие у него серьезного морского опыта и победных традиций. Тем не менее этот недостаток был легко устраним, особенно если учесть то, в каком плачевном состоянии находились в то время флоты Англии и Голландии. Уже во время Третьей англо-голландской войны открылся факт ухудшения организации и ослабления дисциплины на английском флоте, проявившийся в его неспособности на равных противостоять флоту де Рюйтера. Английский флот ослабляло, как мы отмечали ранее, тлетворное влияние двора Карла II и безденежье короля, вынужденного экономить если не на дворе, то на флоте. После сепаратного мира с Голландией, флот Карла II стал разлагаться еще быстрее. Только после восшествия на престол Якова II, чьи лучшие годы, еще до принятия английским Парламентом «Акта о присяге», были отданы флоту, процесс его разложения был остановлен. Но, тем не менее, все проблемы устранимы не были. Флоту выделялись деньги, но его продолжало лихорадить. Личный состав оказался на пороге бунта, после того, как Яков II попытался ввести на военных кораблях служение католической мессы. После бегства Якова II из Англии и восшествия на английский престол Вильгельма III Оранского, английский королевский флот отнюдь не улучшил своего состояния, скорее даже наоборот, ухудшил. Часть военно-морских кадров вызвала подозрения у новой власти, поскольку многие из офицеров флота имели дружеские связи с Яковом. Люди были обязаны герцогу Йоркскому своим карьерным продвижением за то время, пока он руководил английским флотом. Замена опытных морских офицеров, на менее опытных, но лояльных новой власти, по понятным причинам, не способствовала улучшению боеспособности англичан.

Голландский флот, некогда грозный, пребывал в не менее жалком состоянии, чем английский. Разница состояла только в том, что голландский флот не разлагался внутренне как английский, на нем сохранялся относительный порядок, но зато он сократился количественно, и притом, в несколько раз. Вильгельм III имевший неоспоримые политические и военные таланты, был тем не менее человеком далеким от флота. Ставка в условиях войны с Францией, была сделана им исключительно на армию и в ущерб флоту. После того, как Вильгельм в 1688 году стал правителем сразу двух стран: Англии и Голландии, у него появилась возможность объединить некогда непримиримых врагов. Но даже став одним целым, английский

⁹ Штенцель А. История войн на море. В 2-х т. Том 2. – М., 2002. – С. 55—59.

и голландский флоты, как по количеству, так и по качеству кораблей, оказались слабее французского флота Кольбера.

***

После Нимвегенского мира, несмотря на то, что намеченные молодым и амбициозным Людовиком XIV цели войны достигнуты не были, Голландия не была им ни побеждена, ни тем более завоевана, Франция все равно упрочила свой авторитет в Европе и расширила свои границы. Как и после Пиренейского мира, территориальные приобретения осуществлялись за счет слабой Испании. Людовик, осознававший свою силу, не остановился после Нимвегена на достигнутом. Десятилетний период (1678—1688) отделивший окончание войны с Голландией от начала Войны Аугсбургской лиги, вопреки всеобщему мнению, не был мирным. Французский король вел в это время необъявленную (а в 1683—1684 годах объявленную) войну против Испании и германских княжеств, осуществляя совершенно беспринципные территориальные захваты. Французские легисты выбивались из сил, пытаясь обосновать агрессию своего короля произвольным толкованием международных договоров Франции. Действия французов, по всеобщему мнению, являлись грубейшим нарушением принципов Вестфальской системы, и эти действия в самом скором времени, обернулись глухой международной изоляцией Франции.

Вся Европа была в одно и то же время, напугана и возмущена захватом в 1681 году французскими войсками имперского города Страсбург; захватом французами в 1683 году фламандских городов Куртре и Диксемюнде, и начавшимся вскоре после этого шантажом французским королем испанского монарха, болезненного и робкого Карла II Габсбурга. Людовик требовал от Карла в обмен на оккупированные им города, по выбору: герцогство Люксембург, часть Каталонии, или часть Наварры. Свои требования французский король подкреплял новыми акциями силового давления: бомбардировкой французской эскадрой союзной Мадриду Генуи, осадой Хероны в Каталонии и т. д. Испания подвергалась унижению со стороны Франции везде, где это было возможно. Корабли французского флота блокировали испанские порты, с целью заставить слабого испанского короля выплатить компенсацию за ущерб, причиненный французским контрабандистам в американских колониях. Испанские суда брались на abordаж французами в открытом море, за отказ салютовать при встрече французскому флагу.

Европа негодовала, но в то же время, Европа дрожала перед Людовиком. Безнаказанности «короля-солнца» способствовала возросшая сила французов не только на суше, но и на море и то, что дружественная Испании Австрия была занята в это время отражением турецкой угрозы. Германские княжества сами по себе были слишком слабы и нуждались в руководстве. Голландия, выдержавшая войну одновременно против Франции и Англии, залечивала раны. Что касается Англии, чья буржуазия и чья знать с недовольством смотрели со своей стороны Ла-Манша на усиление Франции, то Англией все еще управлял дружественный Людовику (получавший от него субсидии на личные нужды) Карл II Стюарт. И тем не менее общественное мнение в Англии, до того настроенное против голландцев, все более поворачивалось против французов.

Напуганная Европа объединялась вначале эпистолярно, через тайную дипломатическую переписку. Война перьев предшествовала войне мечей. Польский король Ян Собеский в 1683 году разбил турок у стен Вены. Священная Лига, в которую помимо Австрии, Речи Посполитой и Венецианской республики, вошло Московское царство (Голицинские походы на Крым) вынудила Османскую империю приостановить свое наступление на Европу. Вене удалось одержать победу над турками при Мохаче и подавить, вспыхнувшее на восточных границах, восстание мадьяр. В этой обстановке австрийские Габсбурги, наконец-то, смогли пере-

бросить свои силы на запад и сосредоточить внимание на противодействии агрессивной политике французского короля.

В 1685—1686 годах сформировалась мощная антифранцузская коалиция, в которую помимо возглавляемых Габсбургами Испании и Австрии, вошло большинство германских княжеств Священной Римской империи, а также Швеция. Швеция отказалась от традиционного союза с Францией по причине оскорблений нанесенных Людовиком XIV шведскому королю в связи с германским городом Цвайбрюккен. Создание антифранцузской коалиции, получившей название Аугсбургской лиги (от города Аугсбург, где в июле 1686 года было подписано секретное соглашение) совпало со сменой власти в Англии. Новый английский король, Яков II был так же лоялен Людовику XIV, как и его брат Карл II, прибавим к этому то, что Яков II был католиком. По этой причине, Англия, вопреки царившим в ней настроениям, на первых порах не вошла в состав Аугсбургской лиги. Не вошла в этот союз и Голландия, несмотря на попытки статхаудера Вильгельма III убедить Генеральные штаты вновь выступить против французов.

Ситуация изменилась через два года. Людовик XIV, превосходно осведомленный о том, что против него формируется коалиция, сам толкнул Англию и Голландию в объятия Аугсбургской лиги. Для Соединенных провинций вступлению в этот союз предшествовала отмена Людовиком XIV торговых привилегий, полагавшимся голландским купцам по Нимвегенскому миру. Голландская буржуазия, как говорят, лишилась тогда четверти своих доходов. К выступлению на стороне Аугсбургской лиги Англии, привели события известные нам как Славная революция, то есть захват в 1688 году Вильгельмом III Оранским, личным врагом Людовика XIV, английского престола. Оскорбления, нанесенные французским монархом (поддерживавшим галликанство) папе римскому, в 1688 году добавили к числу врагов Франции еще и римский Святой Престол. Против Франции объединилась практически вся Европа.

Англия, самый могущественный из французских недругов, вступила в Аугсбургскую лигу уже после начала войны. Следует отметить, что сама эта война, спровоцированная Людовиком XIV вторжением в германский Пфальц, содействовала реализации планов статхаудера Голландии занять английский престол. Война Аугсбургской лиги, она же Девятилетняя война, она же война за Пфальцское наследство, она же война за Английское наследство, она же война Большого альянса, в настоящее время почти забыта. Однако именно эта война (а вовсе не Война за испанское наследство) оказала решающее влияние на расстановку политических сил в XVIII столетии. На протяжении девяти лет война Аугсбургской лиги велась более чем дюжиной государств в Европе, Южной Азии, Африке, Северной и Южной Америке. Она была сухопутной и морской, и именно эта война, своим течением предопределила вначале взлет, а потом крушение морской мощи Франции. Дальнейшая история показала, что именно это обстоятельство – отказ Франции, по результатам войны Аугсбургской лиги, от морской стратегии в пользу стратегии сухопутной, позволило Англии в XVIII веке, ввиду отсутствия конкурентов на море, одержать убедительную победу в мировом колониальном соперничестве.

***

Формальным поводом к началу боевых действий в Европе стала смерть в 1685 году курфюрста Пфальца. Сестра почившего курфюрста Пфальца была второй женой (после смерти Генриетты Стюарт) герцога Орлеанского – младшего брата Людовика XIV. «Король-солнце» решил использовать данное обстоятельство для того, чтобы распространить свою власть также и на территорию Пфальцкого курфюршества. Вторжение французских войск в Германию началось в сентябре 1688 года. Вильгельм III Оранский с замиранием сердца следивший за развитием событий в Германии, воспользовался тем, что все внимание Людовика было приковано к Пфальцу. Через несколько недель, после начала войны, наскреба с превеликим трудом 50 боевых кораблей в охранение к 500 транспортам, перевозившим 15000 солдат, Вильгельм

III, поймав попутный ветер, перескочил через пролив и высадился на побережье Англии. Вильгельм начал, как могло показаться, долгую и рискованную борьбу за английскую корону. И то, насколько быстро эта борьба завершилась победой Вильгельма Оранского (и бегством во Францию Якова II), стало, вне всяких сомнений, очень неприятным сюрпризом для Людовика.

У французов было достаточно соглядатаев в голландских портах, о сосредоточении голландских войск предназначенных для переправки в Англию и о подготовке транспортов, Людовику исправно докладывали. Достоверно известно, что королевские советники и в том числе французский морской министр, настаивали на блокаде военно-морским флотом побережья Голландии. В этом случае переправа Вильгельма через пролив была бы невозможной. Но Людовик XIV пренебрег мнением своих советников. Узнав о вторжении голландцев в Англию, он тотчас же объявил Соединенным провинциям войну, но было уже поздно. Англия и Голландия – две сильнейшие (если не считать самой Франции) морские державы, объединились под властью личного врага Людовика. Состоявшееся вслед за этим вступление Англии и Голландии в войну, кратное увеличило военный и экономический потенциал противостоящей Франции Аугсбургской лиги. Людовик бездарно проиграл дебют.

Причиной этой первой и возможно главной неудачи французского короля в войне Аугсбургской лиги было совершенное непонимание им того, как следовало использовать морскую мощь Франции. Дальнейшие события подтвердили тот факт, что несмотря на наличие флота, осмысленная морская стратегия у Франции в этот период отсутствовала.

Даже без учета колониального театра, если принимать во внимание одну только Европу, силы Франции оказались расплывены одновременно между несколькими фронтами. Военные действия велись на границе с Германией, в испанских Нидерландах, в Пьемонте – на севере Италии, на Пиренейском полуострове (в Каталонии). После вступления в войну Англии, к этому прибавился еще и ирландский театр, который, несмотря на его периферийное положение, на начальном этапе войны Аугсбургской лиги, следовало считать главным. Значение ирландского театра французами, тем не менее, не было понято. От успеха или неуспеха французов в Ирландии зависело политическое положение Вильгельма Оранского в Англии (и, следовательно, участие Англии в войне Аугсбургской лиги).

Людовика завораживала магия его сухопутных побед. В распоряжении Франции уже не было таких замечательных полководцев как Тюренн или великий Конде, оба к тому времени умерли, но на смену им пришли едва ли менее талантливые и успешные Вобан и маршал Люксембург (Франсуа Анри де Монморанси). Эти два француза громили на суше силы союзников. В 1690 году в Испанских Нидерландах, при Флёрюсе, блестящую победу одерживает маршал Люксембург, он же в 1691 году побеждает при Лёзе. В 1692 году Себастьян ле Петр де Вобан захватывает считавшийся неприступным Намюр. Маршал Вобан, величайший инженер эпохи, изобретатель тактики постепенной атаки (продвижения вперед с помощью осадных параллелей), заложил основы европейского фортификационного искусства, предопределившего на несколько столетий характер, стратегию и тактику европейских войн.

Но все перечисленные выше успехи французского оружия, к которым следует добавить победы, одержанные полководцами Людовика в Пьемонте и в Каталонии, не принесли Франции практически ничего. Война Аугсбургской лиги представляла собой серию взаимных уколов. Стороны очень хотели одержать победу, но при этом, что было удивительным, почти не осуществляли преследования, то есть не стремились к уничтожению всех сил противника на поле боя. Происходящее на полях сражений напоминало дуэль, когда стороны, чеканя шаг, словно на параде, сходились друг с другом, стреляли друг в друга, находясь в плотных линейных построениях, неся при этом, существенные потери, после чего расходились, чтобы когда-нибудь, в будущем, сойтись вновь. Такая война была, по сути, лишенной решительных и прагматичных целей кровавой комедией, поставленной на потеху венценосной публике.

Многочисленные победы французов в сухопутных сражениях войны Аугсбургской лиги принесли им славу героев и какие-то, совершенно уж неприличные, территориальные приобретения. Эти победы в конце истощили французские финансы, но ни в коей мере не подорвали способность стран, участниц Аугсбургской лиги продолжать войну против Франции. Ситуация в Ирландии была принципиально иной. Ирландия – остров и участие Франции в борьбе за Ирландию обеспечивалось силами французского флота. Успех сопутствовал Вильгельму Оранскому лишь в протестантской Англии, Ирландия большей своей частью не признала нового короля и открыто поддерживала католика Якова II Стюарта. Людовик XIV в свою очередь предоставил Стюарту войска, с которыми тот в 1689 году прибыл в Ирландию и обосновался в Дублине. Положение англичан на острове висело на волоске. От сохранения контроля над Ирландией (а также Шотландией) зависела политическая судьба Вильгельма Оранского в Англии. Ни одно поражение союзников на континенте не вызывало столь болезненной реакции у английской общественности и английских элит, как неудачи в Ирландии и утрата английским флотом господства в Ла-Манше.

Грубейшей ошибкой французов стало то, что они не использовали для достижения успеха на Зеленом острове всех сил своего могущественного флота. Французские эскадры сопровождали транспорты, доставлявшие на остров французские войска, после чего уходили назад, в свои порты и больше не показывались в море. Если бы французский король захотел, учитывая размер и состояние французского флота, то он мог бы без особого труда перерезать все морские коммуникации, связывавшие в 1689 году Англию и Ирландию. Фактически же, англичане без какого-либо противодействия со стороны французов, перебрасывали морем свои войска, поддерживая на острове очаги сопротивления английских протестантов.

Первое крупное морское сражение между флотами Франции и Англии произошло 11 мая 1689 года в заливе Бэнтри, на крайнем юго-западе Ирландии. Английская эскадра под руководством адмирала Герберта, предприняла попытку перехватить французские транспорты, доставлявшие на остров очередную партию французских войск. Французские транспорты сопровождала мощная военная эскадра графа Шато-Рено. Учитывая то, что англичане уступали французам практически по всем параметрам, начиная от уровня командования и заканчивая количеством судов (19 против 24), они были вполне ожидаемо разбиты. От полного уничтожения англичан спасло лишь то, что французы их не преследовали.

Адмирал Герберт не был наказан Вильгельмом Оранским за поражение в заливе Бэнтри. В преданности Герберта не было никаких сомнений. Новый английский король, уволивший из флота многих опытных морских офицеров, заподозренных в связях с Яковом, стремился расположить к себе оставшихся наградами и зачастую тривиальным прикрытием глаз на их очевидную некомпетентность.

В июле 1690 года состоялось второе большое сражение между флотами Франции и Англии, которое, если бы французам удалось использовать все плоды одержанной ими победы, могло оказаться решающим для дальнейшего хода войны. Но оно им не стало. Столкновение произошло у южного побережья Англии и вошло в историю под названием «Сражения у мыса Бичи-Хед».

Следует отметить, что сближение главных сил флотов воюющих сторон происходило и раньше. Еще в середине лета 1689 года, Герберт вывел почти весь союзный флот (60 линейных кораблей) в море, но был вынужден возвратиться в свои базы, не дойдя до берегов Франции из-за неудовлетворительной готовности судов и плохой подготовки их экипажей. Позднее, в том же году, он вновь выводил главные силы союзного флота в море. Англичане и французы наблюдали друг друга в подзорные трубы, но в бой не вступали, все ограничилось перестрелкой дозорных судов.

Весной 1690 года Людовик XIV принял решение форсировать войну на море, то есть попытаться использовать имевшиеся на тот момент преимущества французского флота над

флотами союзников. На королевских военных советах всерьез обсуждался вопрос о высадке в Англии. Но чтобы такая высадка стала возможной, следовало очистить Ла-Манш, то есть уничтожить, или как минимум, загнать в свои порты корабли голландцев и англичан. Планом предусматривался ранний выход в море всех сил французского флота для нанесения ударов по пока еще разделенным силам союзников. План этот был правильным, но он не был реализован. Произошла задержка с подготовкой французского флота из-за недостатка снаряжения, и главные силы французов (70 линейных кораблей), под командованием адмирала де Турвиля, покинули Брест только в конце июня. Англичане и голландцы к тому времени уже объединили силы своих флотов.

Основу союзного флота составляли английские корабли. Между союзниками была достигнута договоренность о том, что англичане снаряжают 5/8 кораблей флота, в то время как голландцы – 3/8. С другой стороны, для войны на суше, Нидерланды обязались выставить 100 тысяч человек, в то время как Англия – всего 40. Англо-голландский флот, как и в прошлом году, возглавлял адмирал Герберт, и так же, как и в прошлом году, англо-голландский флот численно уступал французскому. Де Турвиль имел 70 превосходных линейных кораблей (не считая фрегатов, связных судов и брандеров). Линейные силы союзного флота состояли из 57 судов, причем в большинстве своем более слабых, чем французские. Соотношение орудийных стволов: 4600 против 3850 в пользу французов. Соотношение численности корабельных команд: 28000 против 23000 в пользу французов.¹⁰

Французы обладали очевидным преимуществом также и по части командования. В лице французского адмирала Анна Иллариона де Турвиля мы имеем одного из лучших морских тактиков эпохи, но при этом, также и одного из наиболее заурядных морских стратегов. Человек безгранично смелый в личном отношении, дерзкий, из того поколения французской аристократии, о которых было принято говорить: «дуэлянты», де Турвиль, начал свой путь морского офицера в семнадцатилетнем возрасте. Молодым человеком он ходил на гребных галеасах по Средиземному морю и участвовал в жарких схватках с алжирскими и марокканскими пиратами. Недоброжелатели говорили за спиной де Турвиля, что он «трус умом, но не сердцем». Несмотря на беспримерную личную храбрость, в характере адмирала было слишком много осторожности. Де Турвилю явно не доставало инициативы при принятии ответственных решений, боясь ошибиться, он предпочитал дожидаться ошибки противника, наблюдать, а не действовать. С другой стороны, когда дело все же доходило до схватки, де Турвиль, демонстрировал характерное для французов того времени сочетание страстности и ума. У де Турвиля, как будто, что-то переключалось в голове, он получал наслаждение от горячки боя, принимал быстрые и точные решения, одним словом, находился на своем месте. Английский адмирал Герберт по тактическим способностям заметно уступал де Турвилю.

Герберт не хотел генерального сражения, понимая слабость вверенных ему морских сил, но он был связан полученным от английского правительства приказом «искать боя с противником». Причиной появления такого приказа стала исключительно сложная обстановка в Ирландии, отражавшаяся на политической стабильности в самой Англии. Вильгельм Оранский оставил свою супругу управлять делами в Лондоне, а сам, с небольшой, вновь набранной им англо-голландской армией, отбыл в Ирландию. Английский король очень рисковал во время переправы, 250 его транспортов, находились под защитой всего 6 военных судов. Французский флот де Турвиля, вышедший из Бреста буквально на следующий день (22 июня 1690 года), после того как Вильгельм вышел из Честера, переправке английских войск никак не препятствовал. В данном случае Де Турвиль имел просто другую цель – флот Герберта.

30 июня сохранявшая безупречный порядок французская морская армада появилась у мыса Лизард (крайняя юго-западная точка Корнуолла), после чего продолжила медленное

¹⁰ Там же. – С. 190—191.

движение на восток по Ла-Маншу. Герберт находился в это время у острова Уайт. Положение его было не очень удобным, так как операционные базы, где союзный флот мог укрыться, в случае неудачи – Даунс и устье Темзы, находились на ветре, на расстоянии 60 морских миль и более. Лавировавший (против ветра) тремя колоннами французский флот, относительно англичан и голландцев находился под ветром. Рано утром 10 июля 1690 года, в 12 милях к югу от скалы Бичи-Хед, используя при очень слабом норд-осте, свое наветренное положение, Герберт пошел в атаку. Пошел в атаку без энергичности, с тяжелым сердцем, единственно чтобы выполнить полученный им приказ. Союзники выстроились в линию, после чего правым галсом в бейдевинде легли курсом на норд-норд-вест. Французы с парусами, взятыми на гитовы (т.е. притянутыми к реям) стояли на месте, ожидая англичан. При приближении Герберта де Турвиль перестроил свои колонны в линию и также лег правым галсом в бейдевинде курсом на норд-норд-вест. Убавив после этого парусов, французский адмирал дал возможность Герберту приблизиться к французской линии.

Английский командующий находился в кордебаталии (центре линейного построения флота), авангардом, составленным почти исключительно из голландских судов, командовал Корнелиус Эвертсен Младший – ветеран Второй и Третьей англо-голландских войн и один из лучших флагманов де Рюйтера. Эскадра Эвертсена состояла из 22 кораблей. Арьергардом союзного строя командовал представитель древнего рода нортумберлендских джентри, Ральф Делаваль. Арьергард союзников был смешанным по составу, а центр – исключительно английским.

Корабли Эвертсена приблизились к авангарду французам и первыми вступили в бой, через некоторое время с арьергардом французам сошелся Делаваль. Что же касается центра союзной линии – английской эскадры под управлением самого Герберта, то она отстала и, несмотря на то, что все время активной фазы боя находилась на ветре, с центром де Турвиля так и не встретилась. Де Турвиль, сам находившийся в кордебаталии французам, отметив про себя, что Герберт не горит желанием вступить в сражение, отдал приказ кораблям центра взять круче к ветру и, обогнув эскадру Эвертсена с востока, взял ее в клещи. Оказавшись между двух огней – авангарда французского флота с одной стороны и центра французского флота с другой, голландская эскадра была разгромлена. От ураганного огня превосходящих сил французского флота пострадала значительная часть корабельных команд, почти все суда лишились такелажа. Из 22 кораблей голландцев, к тому моменту, когда над морем воцарился штиль, способность самостоятельно передвигаться сохраняли лишь три.

Голландская эскадра, тем не менее, сумела избежать полного уничтожения. Своим спасением она была обязана смекалке Эвертсена – опытного, просоленного моряка. Голландский адмирал, помня о близости английского берега, отдал в критический момент боя, приказ поставить находившиеся при полных парусах (там, где еще были мачты) голландские корабли на якоря. Французские суда тотчас же отнесло сильным отливным течением на юг. К тому времени, когда де Турвиль догадался также заякорить свои суда, расстояние между ним и Эвертсеном превышало дальность эффективного огня артиллерийских орудий. Снова сблизиться с противником де Турвиль не мог из-за отсутствия ветра.

Но это была не самая большая ошибка, допущенная де Турвилем в однозначно выигранном им сражении. Союзному флоту, после того, как ветер вновь наполнил паруса кораблей, удалось спастись единственно потому, что де Турвиль слишком вяло и нерешительно повел свое преследование. Французский адмирал, двигаясь за союзниками, строго выдерживал линию, равняясь на наиболее медленные свои корабли, а потом и вовсе развернулся и увел французский флот в Брест. Герберт, с частью своих судов, войдя в устье Темзы, несмотря на то, что преследование уже не велось, приказал снять фарватерные буи. Очень многое в действиях Герберта свидетельствовало о том, что он был напуган. В стане союзников героем оказался Корнелиус Эвертсен Младший, который принял на себя удар главных сил французского

флота. Де Турвиль не потерял ни одного корабля, союзники лишились по разным данным от 8 до 16 кораблей. Почти все они были голландскими, потерявшими мачты и затопленными, либо сожженными своими же командами при отступлении.

Герберт был снят с командования и отдан под суд. Английским судом он был тем не менее оправдан. Но командование флотом ему больше не доверяли. Странное поведение Герберта во время сражения объясняли по-разному. Говорили о банальной ошибке в управлении, когда английский адмирал сам пытался сосредоточить превосходящие силы английского флота против части французского флота, но не сумел этого сделать. Ближе к действительности, скорее всего, будет то объяснение, что Герберт, не желавший боя и не веривший в победу над французами, просто решил сохранить английскую часть флота, ценой потери голландской эскадры Эвертсена. Несмотря на политический и военный союз, взаимное недоверие между голландскими и английскими моряками не исчезло. В то же время, сохраненные у Бичи-Хеда английские линейные корабли, должны были в скором будущем стать ядром возрождаемого английского флота. Косвенным подтверждением этой версии служит и достаточно мягкий вердикт английского суда, признавшего после скрупулезного изучения всех обстоятельств дела, Герберта невиновным.

***

Результат сражения у мыса Бичи-Хед для Франции, не смотря ни на что, был положительным. Да, не удалось уничтожить весь англо-голландский флот, но зато удалось нанести ему значительный урон и надолго запереть в своих гаванях. Ла-Манш был очищен от союзников и несколько оставшихся теплых месяцев 1690 года находился безраздельно в руках французов. Это было то самое положение, о котором через столетие, в 1804 году, мечтал Наполеон. Побережье Англии было открыто для французского вторжения.

Людовик XIV, несмотря на то, что у него имелись возможности подготовить для высадки, необходимые силы, пусть даже путем переброски войск с других, менее важных театров, предпринимать вторжение в Англию в 1690 году не стал. Вполне возможно, что на французского короля оказали влияние неудачи в Ирландии. 11 июля 1690 года, то есть уже на следующий день после французской победы у мыса Бичи-Хед, состоялось генеральное сражение Вильгельма Оранского и Якова II у стен Дублина, на берегу реки Бойн. Это сражение окончилось разгромом Якова II, который на эмоциях вместо того, чтобы отступить внутрь страны и продолжать сопротивление, снова бежал к французскому королю. Эта победа Вильгельма III ознаменовала коренной поворот в ирландской войне и укрепила его положение в Англии. Вильгельм III мастерски использовал этот поворот судьбы, в то время, как Людовик XIV не сделал ничего, чтобы воспользоваться успехом, достигнутым французами при Бичи-Хеде. Оставшиеся месяцы 1690 года были заполнены какими-то совершенно незначительными операциями де Турвиля – обстрелами береговых укреплений, и захватом небольшого числа английских торговых судов.

К весне 1691 года союзники не только восстановили, но и увеличили численность своего флота. Последнего нельзя было сказать о французах. У них, по-видимому, уже стали сказываться результаты экономии на флоте, так как с каждым последующим годом, флот де Турвиля становился все более слабым (на фоне усиливающегося флота союзников). Для морских операций 1691 года де Турвиль имел в своем распоряжении, как и годом раньше 70 линейных кораблей. Общее же количество собранных в Бресте военных судов достигало 120. Союзники, проведя зиму в энергичных приготовлениях, выставили 100 линейных кораблей (40 были голландскими) и все это, без учета фрегатов, брандеров и мелких судов.

На духе французского флота сказалась также смерть маркиза де Сеньеле. Маркиз де Сеньеле был старшим сыном Жана Батиста Кольбера. На посту министра королевского двора

он занимался делами военно-морского флота. Де Сеньеле продолжал политическую и экономическую линию Кольбера. Объединивший после смерти маркиза в одном лице посты министра финансов и морского министра де Поншартрен, ничего не хотел слышать о наращивании морских усилий и о наступательных действиях флота де Турвиля. Имевший склонность добывать деньги для королевской казны изобретением и продажей новых должностей, де Поншартрен загнал французского адмирала в тесный управленческий коридор. Министр ограничил де Турвиля в праве самостоятельно принимать решения. Перед адмиралом была поставлена задача, употребить все имевшиеся силы французского флота на борьбу с коммерческим судоходством противника, и было настоятельно рекомендовано избегать морских сражений с союзниками. Несмотря на значительное ограничение свободы, указания де Поншартрена, скорее всего, пришлись де Турвилю по вкусу, ведь они, как нельзя более, соответствовали его осторожной натуре.

Англии и Голландии в тот год (1691) был действительно нанесен большой экономический урон. 29 июня их объединенный флот под командованием 1-го графа Оксфорда, адмирала Эдварда Рассела, оставил рейд Даунса. Целью английского адмирала было сражение с де Турвилем и возвращение контроля над Ла-Маншем. Но де Турвиль маневрировал своими силами настолько искусно, что в 1691 году так и не позволил Расселу с ним встретиться. Английский адмирал, скованный приказом навязать противнику бой, увлекся преследованием, ушел далеко на запад от английских берегов и оставил Ла-Манш свободным от англо-голландского военного присутствия. Длительным отсутствием союзного флота в Ла-Манше воспользовались французские каперы, разогнавшие несколько конвоев и захватившие в качестве призов много одиночных английских и голландских судов.

В следующем, 1692 году состоялось третье и последнее большое сражение между флотами морских держав в войне Аугсбургской лиги. Битва получила название «Сражения при Ла-Хогге», ее можно было бы назвать также «лебединой песней» французского королевского флота. Людовик XIV отмечая про себя то, как сильно затягивается эта война и то, какие большие потери несет в связи с войной французская экономика, осознал, наконец, что Франция не может себе позволить довольствоваться лишь тактическими успехами. Слава, добытая на полях сражений, сама по себе, не приносит ничего. Людовик, под влиянием Якова II, нашептывавшего ему на ухо преувеличенные слухи о количестве его сторонников на Британских островах, наконец-то принял решение вторгнуться в Англию. Но благоприятный момент был уже упущен. Вильгельм III победами в Ирландии, а затем Шотландии укрепил на островах свой личный авторитет, а численность и боевые возможности французского флота теперь уступали численности и боевым возможностям флота союзников. В довершение тулонская эскадра линейных кораблей, призванная усилить флот де Турвиля, попала в сильнейший шторм. Одновременно вскрылись проблемы с оснащением кораблей непосредственно в Бресте. Результатом изменений в управлении флотом и стечения неблагоприятных обстоятельств, стало то, что в конце весны 1692 года лишь 45 линейных кораблей было передано в распоряжение де Турвиля (в общей сложности 3200 орудий и 21500 человек команды).

Союзники в мае того же года вывели в море 88 судов, каждое из которых было вооружено более чем 50 (!) орудиями и в том числе, 27 трехдечных 80—110 пушечных кораблей. Легкие силы, находившиеся непосредственно при линейном флоте состояли из 7 фрегатов, более чем двух десятков посыльных авизо и трех десятков брандеров. В общей сложности 6750 орудий, при 38—39 тысячах человек команды. Это было в два раза больше чем у французов.¹¹

Французские войска, предназначенные для переброски в Англию, были сосредоточены на полуострове Котантен. А де Турвиль получил совершенно не отвечающий возможностям его флота приказ дать в водах Английского канала генеральное сражение объединенному флоту

¹¹ Там же. – С. 201.

союзников, нанести этому флоту поражение и преследовать противника до его операционных баз. Как и следовало ожидать, все произошло с точностью до наоборот. Английские адмиралы Эдвард Рассел и Ральф Делаваль, командовавшие англо-голландским флотом, 29 мая нанесли поражение флоту де Турвиля. К чести последнего, следует отнести то, что к концу жаркого дня, когда над морем сгустились сумерки, и стихла канонада, ни один из французских кораблей не был потоплен и не спустил своего флага. Потери де Турвиля понес уже во время отступления, когда между островом Олдерни и мысом Ла-Хог, (на восточном побережье Котантена), 15 больших французских кораблей были отрезаны от главных сил переменявшимся течением. Причину случившегося, по-видимому, следует искать в том, что французы отступали слишком медленно, не решаясь сжечь, сильно пострадавший от огня англичан, «Солей Рояль» (фр. «Soleil-Royal» – «Королевское Солнце»), 110-пушечный трехдечный флагман де Турвиля. Солей Рояль был, по некоторым оценкам, лучшим военным кораблем эпохи. Из 15 отрезанных англичанами французских судов, только три смогли укрыться в Шербуре, остальные двенадцать были сожжены своими командами, либо потоплены (захвачены) союзниками.

***

Поражение французского флота у мыса Ла-Хог и потеря дюжины больших линейных кораблей, вопреки распространенному мнению, не стали смертным приговором французскому флоту. В следующем 1693 году, де Турвиль вывел в море, как и в лучшие свои времена, 70 кораблей. Потери, были восполнены. Но изменилась сама концепция войны. Союзники в Ла-Манше теперь были сильнее французов и французы это знали. На французских военных советах уже не шла речь о завоевании в решающем морском сражении господства на море, это господство было решено оставить англичанам. И это было симптомом. С 1693 года и до конца войны, французский военный флот пока он окончательно не пришел в упадок, из-за небрежения и недостатка финансов, оперировал исключительно на коммуникациях, против английского и голландского коммерческого судоходства. Успехам таких операций, кстати сказать, способствовали более высокие, нежели у англичан мореходные и скоростные качества больших французских кораблей. Другой причиной успехов французов, была если не трусость, то, как минимум излишняя осторожность английского командования, осознававшего превосходство французских судов в технической части, а французских команд в отваге, проявляемой непосредственно в бою. Эти опасения заставляли союзников держать все свои силы вместе из-за возможности встречи с флотом де Турвиля. Как следствие, торговые караваны союзников, за пределами Английского канала, не говоря уже про одиночных торговцев, остались в это время без необходимой защиты.

Успехам французского каперства немало способствовала некомпетентность, проявляемая в то время английским Адмиралтейским Комитетом. Примером может служить разгром де Турвилем большого английского конвоя, шедшего из Смирны. Весной 1693 года (на следующий год после Ла-Хога) сильный союзный флот должен был блокировать французов в Бресте, но де Турвиль вышел из Бреста раньше, чем там появились союзники. Имея точные сведения о движении через Средиземное море большого английского торгового каравана, французский адмирал, со своими семьдесятю линейными кораблями перехватил англичан у мыса Сан-Висенте (вблизи Гибралтара). Де Турвиль уничтожил и захватил порядка 100 торговых и небольших военных судов, а оставшиеся 300 рассеял.

Идущие в Англию и идущие из Англии одиночные торговые суда, в этот период довольно часто становились добычей французских каперов из Дюнкерка. Самую большую известность среди последних, приобрел корсар по имени Жан Бар. Пик интенсивности действий французских каперов против английского и голландского торгового судоходства пришелся на 1694 год.

Союзники по-прежнему держали все свои силы вместе. А Людовик, испытывавший из-за сухопутной войны и случившегося во Франции жестокого голода, большие финансовые трудности, решил не снаряжать на лето 1694 года линейного флота. Из-за сокращения численности французского королевского флота, многие его офицеры и матросы, оставшиеся без работы, нанимались на каперские суда. Из частных вооруженных кораблей формировались небольшие эскадры в 4—6, а иногда и в 8 судов, способные не только грабить, но и воевать. Корабли владычицы морей были вынуждены в это время прятаться в открытом море под нейтральными флагами. В некотором роде, Британские острова оказались в состоянии экономической блокады и последовавший за этим торговый коллапс, вызвал острое недовольство в торгово-промышленных кругах Англии.

Успехи французских рейдеров на море сопровождали громкие победы, одержанные французскими войсками на суше. 1693 год был знаменателен двумя большими сражениями. В испанских Нидерландах, вблизи Ландена, маршал Люксембург нанес поражение переправившемуся из Англии на континент, для того, чтобы возглавить союзные войска, Вильгельму III Оранскому. В северной Италии, у деревни Марсалия, французский маршал Николя Катина разбил Евгения Савойского. Франция, вне всяких сомнений, выигрывала по очкам, но, несмотря на это, и даже, несмотря на случившийся, через пару лет захват маршалом Вандомом Барселоны, Рейсвейкский мир, который в 1697 году подвел черту под военными усилиями сторон, констатировал всего лишь восстановление «статус-кво». Франция возвратила союзникам почти все ею завоеванное, удержав за собой лишь Нижний Эльзас и Страсбург. С точки зрения затраченных на войну средств, количества пролитой крови и с точки зрения одержанных французами побед, для Версаля это был совершенно неудовлетворительный исход.

***

Причин заключения, казавшегося для Людовика XIV провальным Рейсвейкского мира, было две. Первой и самой важной было то, что война Аугсбургской лиги столкнула Францию в пропасть экономического кризиса. Другой причиной стали изменившиеся политические приоритеты Людовика, которому в зрелом возрасте уже не импонировали локальные территориальные приобретения, округлявшие границы его королевства. Теперь Людовика сильнее всего занимала Испания, которую, при определенном раскладе, как ему казалось, он мог получить целиком. По этой причине «король-солнце» не выдвигал при обсуждении условий Рейсвейкского мира жестких рамочных условий, хотя исходя из достигнутых им военных успехов и учитывая истощение противоборствующих сторон (в том числе сильно пострадавшей от торговой блокады Англии), мог это сделать. Война Аугсбургской лиги стала для Франции бесполезной войной. Единственным ее итогом, оказавшим тем не менее решающее влияние не только на европейскую, но и на дальнейшую мировую историю, была потеря Францией ее военно-морского флота. Потеря, отметим это особенно, не в результате военных поражений, а в результате изменившихся по ходу войны приоритетов французского политического руководства.

Да, Франция при всем своем богатстве, оказалась не способна вкладываться одновременно и в континентальную и морскую стратегию. Франция в итоге отдала предпочтение тому, что было ближе ее королю и, вероятно, подавляющему большинству французов. В этом смысле показательными выглядят консультации морского и военного министров, де Поншартрена и де Лувуа (1691), о том, а вообще имеет ли смысл содержать дорогостоящий флот и не будет ли правильнее заменить его простым корпусом береговой охраны? Определяющее для экономики и международного положения страны значение военно-морского флота не было понято подавляющим большинством французов (Кольбер и его сын маркиз де Сеньоле были счастливыми исключениями). Стоивший огромных денег флот, как и Версаль, почитали за дорогоцен-

ящую игрушку короля, призванную скорее прославлять французского монарха, чем выполнять полезные функции. Когда наступила лихая година, и стали думать над тем, от чего следовало бы отказаться, французский королевский флот стал, таким образом, первым, на что обратили внимание.

В дальнейшем Франция двигалась по стратегической колее заданной войной Аугсбургской лиги, то есть в условиях утверждения ее правящими кругами приоритета сухопутной стратегии над морской. Отказ от приоритета морской стратегии, привел к тому, что страна не имела на протяжении всего XVIII века по-настоящему сильного флота и не обладала той степенью контроля над морскими коммуникациями, которыми обладала Англия. Результаты войны Аугсбургской лиги стояли в ряду причин предопределивших в XVIII веке поражение Франции в колониальном соперничестве с Англией и утрату Францией ее американских и азиатских колоний.

***

Вслед за войной Аугсбургской лиги, уже через четыре года, дуэтом последовала еще более масштабная, кровавая и еще более дорогостоящая из-за своей продолжительности и возросшего числа участников, Война за испанское наследство (1701—1714). Как можно догадаться из ее названия, камнем преткновения между европейскими державами стал испанский трон. Карл II Габсбург (не путать его с Карлом II Стюартом, английским королем), сын Филиппа IV, был тщедушным и болезненным молодым человеком. У всех он вызывал жалость, и по убеждению каждого кто видел его своими глазами, этот король не мог править долго. Смерти Карла при самом благоприятном для него раскладе, ожидали через год, может быть через два, после вступления его в 1665 году (4-летним ребенком) на испанский престол. Но вопреки всем прогнозам, Карл II умирал 35 лет и окончательно умер лишь 1 ноября 1700 года. Можно сказать, все время его правления, Испания находилась под регентством, когда функции малолетнего, а затем взрослого, но недееспособного монарха исполняли другие лица. Мать молодого короля со своими фаворитами боролась за власть и влияние с внебрачным сыном Филиппа IV, Хуаном Австрийским. Испанский двор при Карле II стал прибежищем самых низких интриг и непрекращающейся борьбы различных партий за власть.

Уйдя в мир иной, испанский монарх не оставил после себя наследника. Нового короля для Испанской империи – слабой европейской страны, сохранявшей тем не менее власть над значительной частью Нового Света, предстояло найти среди его ближайшей родни. Отец Карла, испанский король Филипп IV имел две сестры: Анну и Марию Анну. Первая из них, хорошо известная нам Анна Австрийская была выдана замуж за французского короля Людовика XIII и произвела на свет французского короля Людовика XIV. Вторая из сестер Филиппа, Мария Анна Испанская стала супругой императора Священной Римской империи Фердинанда III и произвела на свет нового императора Священной Римской империи Леопольда I.

У Филиппа IV официально было также две дочери. Старшую из них, Марию Терезию при испанском дворе решили выдать замуж за ее двоюродного брата, французского короля Людовика XIV, в то время как младшую – Маргариту Терезию, за другого их двоюродного брата, императора Священной Римской империи Леопольда I. Таким образом, и французский король, и австрийский император, и их потомство, стояли в одинаковой степени родства к Карлу II. Как Людовик, так и Леопольд приходились умершему испанскому монарху двоюродными братьями и оба были женаты на его сестрах. Преимущество «короля-солнце» с династической точки зрения, состояло в том, что Мария Терезия была старшей сестрой. Вместе с тем, по условиям брачного договора, выходя замуж за Людовика XIV, Мария Терезия отказывалась от прав на испанское наследство. Взамен ей полагалось денежное возмещение, которое, как мы уже раньше писали, не было уплачено испанской казной. По этой причине, французский король

не считал себя связанным отказом супруги от испанского наследства. Вопрос для Людовика состоял только в том, что именно должно было входить в состав этого наследства: какая-нибудь одна часть «империи» Карла II (Испанские Нидерланды, Неаполь, может быть Сицилия) или вся Испанская империя целиком? Молодой Людовик XIV склонялся к первой точке зрения, зрелый – уже ко второй.

Соображениями задобрить испанского монарха и подвигнуть его к завещанию испанского престола французским родственникам, можно объяснить совершенно неожиданную гибкость Людовика, проявленную им при заключении Рейсвейкского мира. Но в Мадриде при дворе Карла II существовала сильная проавстрийская партия, поэтому в целом шансы на то, что испанский король оставит трон Бурбонам, были невелики. Французская дипломатия, руководствуясь этим соображением, повела двойную игру. На тот случай, если завещание Карла II Испанского окажется не в пользу Франции, предполагалась разделить испанское наследство, чтобы получить из него, хотя бы что-то. Интересы Англии, Франции и Голландии в данном случае совпали. Никто не желал, чтобы владения Карла II, целиком, достались австрийским Габсбургам, ведь это также нарушало баланс сил в Европе. Договором 1698 года, а после смерти наиболее вероятного испанского наследника – курпринца Иосифа Фердинанда Баварского, договором 1700 года, Франция закрепила за собой (с согласия Англии и Голландии) из состава испанского наследства – Сицилию и Неаполь. Ни Испания, ни тем более Австрия, во всех этих тайных соглашениях по разделу Испанской империи не участвовали.

В дальнейшем случилось так, что события начали развиваться по самому выгодному для Людовика сценарию. По просьбе испанского монарха, папа римский Иннокентий XIII, утвердил завещание испанского престола в пользу одного из представителей королевского дома Франции. Единственным условием было то, чтобы границы двух государств – Франции и Испании не менялись. Получив известия о смерти короля Карла II и об окончательном характере завещания, Людовик XIV выйдя в Версале к собравшимся по этому случаю придворным, представил своего внука, 17-летнего герцога Анжуйского (сына Великого Дофина) в качестве нового короля Испании. Но такое решение, разумеется, нарушало условия ранее заключенных с Англией и Голландией договоров о разделе испанского наследства.

Следует отметить, что в эскалации напряженности между европейскими державами на этот раз было значительно меньше вины Франции, чем перед началом войны Аугсбургской лиги. Военный конфликт для Франции был неизбежен при любом сценарии. От решений Людовика XIV зависело то, каким будет состав коалиций. Будет ли Франция в союзе с Англией и Голландией воевать против австрийского Габсбургского дома, претендовавшего на все испанское наследство целиком и не признававшего заключенных Францией, Англией и Голландией договоров о разделе Испании? Или же Франция, как и раньше, останется один на один со всей остальной Европой? Людовик, нарушая договоры, заключенные с Англией и Голландией, делал неизбежным именно второй вариант. Англия верная своей политике сохранения баланса сил в Европе, не могла допустить объединения Испании под одной властью со Священной Римской империей. Но Англия, в еще меньшей степени, могла допустить объединения Испании под одной властью с Францией. В случае с Францией, помимо европейского, остро вставал еще и колониальный вопрос. Если бы Франция присоединила к своим колониям испанские владения в Америке, она приобрела бы в «Индиях» заметный перевес над Англией.

Война за испанское наследство, несмотря на ее преимущественно сухопутный характер, и на то, что все главные события этой войны разворачивались в Европе, в значительно большей степени, если сравнивать ее с войной Аугсбургской лиги, была обусловлена мотивами дележа европейскими странами их колониальных владений. С другой стороны, эта война была не столь важна для определения лидеров и аутсайдеров колониальной политики, так как эти лидеры и аутсайдеры уже определились. В отличие от войны Аугсбургской лиги, Война за испанское наследство, была войной с предсказуемым результатом. Ослабленной Франции явно недоста-

вало ресурсов, чтобы изменить сценарий заданный предыдущей войной. Повторяем, что это был сценарий отказа Франции от доминирования в колониях и от господства на море в пользу активной наступательной политики в Европе.

***

Итак, Франция Людовика XIV к глубокому удовлетворению правящих элит Англии продолжала свое движение по проложенной до этого колее. Война за испанское наследство, в той коалиционной формуле, к которой она была приведена усилиями Людовика, стала настоящим подарком для англичан, их историческим шансом ослабить и окончательно убрать со своего пути наиболее опасного из их европейских конкурентов. Получив известия о характере завещания Карла II и о провозглашении герцога Анжуйского новым королем Испании, Вильгельм Оранский не стал спешить с объявлением войны Франции. До сведения Людовика XIV было доведено, что морские державы не возражают против его кандидата на испанский трон, просто за невмешательство Англии и Голландии в столкновение с австрийскими Габсбургами, Людовику придется заплатить. В числе условий был отказ нового испанского короля Филиппа V (так теперь стал называться герцог Анжуйский) от прав на французский престол, раздел Испанской империи в Европе (испанские Нидерланды должны были отойти союзникам) и последнее по счету, но не по значению – открытие испанских колониальных рынков для Англии. Испания не должна была предоставлять в своих колониях выгодных концессий и иных экономических преимуществ Франции, вместо этого она должна была сделать свои колониальные рынки открытыми для англичан и голландцев.

Людовик XIV с презрением отнесся к предложенным ему условиям. Уже в сентябре 1701 года морскими державами было подписано тайное соглашение с Австрией, определявшее цели войны. У занявшего испанский трон Филиппа V предполагалось отторгнуть Испанские Нидерланды, Милан, Неаполь, Сицилию. Важнейшим пунктом соглашения было право морских держав (читаем Англии), захватывать и удерживать за собой земли в испанских «Индиях». О поддержке австрийского кандидата на испанский престол со стороны Англии и Голландии в данном соглашении речи не шло. Англия, просто намеревалась использовать большую европейскую войну, чтобы расширить за счет Испании и Франции свои колониальные владения.

Военные действия между австрийцами и французами начались в 1701 году. В это время в английском Парламенте относительно необходимости войны все еще шли жаркие споры. Слишком свежими для членов Палаты общин были воспоминания о тех убытках, которые в прошедшей войне были причинены английской экономике французскими каперами. В конечном итоге, принимая во внимание все выгоды, которые господствующему классу Англии сулила новая война и то, что эти выгоды должны были покрыть все возможные издержки, английский Парламент проголосовал за выделение денег на содержание армии, численностью в 50000 солдат и военно-морского флота, численностью в 35000 матросов. Кроме того, предусматривалось выделение Англией значительных субсидий на вооружение и оснащение союзников, в первую очередь Австрии.

Людовик XIV попытался ослабить антифранцузскую коалицию созданием лиги нейтральных германских государств и даже предпринял попытку привлечь некоторые из них на свою сторону. Единственным более или менее серьезным союзником, кроме занявшего испанский трон внука – Филиппа Анжуйского, для Людовика XIV стал баварский курфюрст Максимилиан II. Коалиции Франции, Испании и Баварии противостояла куда более внушительная коалиция, состоявшая из усилившейся благодаря победам над Османской империей Австрии, нескольких германских государств, в том числе недавно образованного Прусского королевства, Англии и Голландии. Позднее, по ходу войны, к антифранцузской коалиции при-

соединилось еще несколько стран, в том числе Португалия. Страны севера и востока Европы – Швеция, Дания, Речь Посполитая, Саксонское курфюршество, Московское царство в Войне за испанское наследство участия не принимали, они были заняты Северной войной.

Вильгельму III Оранскому, королю Англии и статхаудеру Голландии, не довелось возглавить сухопутные войска союзников. Во время охоты копыто его лошади угодило в кротовую яму, и пятидесятиоднолетний Вильгельм свалился на землю. Король сломал себе плечо. За этим последовало воспаление легких, которое протекало очень тяжело и в начале марта 1702 года свело английского монарха в могилу. У четы Вильгельма III и Марии II Стюарт не осталось детей, поэтому английский престол наследовала младшая сестра Марии II (и соответственно, младшая дочь Якова II) – Анна Стюарт. Королева Анна, как и ее сестра, была протестанткой. Придя к власти при поддержке партии вигов, она продолжила антифранцузскую политику Вильгельма III Оранского.

***

Несмотря на хвастовство вигских историков, приписывавших Англии периода Войны за испанское наследство большой скачок вперед по части подготовки и оснащения военно-морского флота, в действительности, успехи, продемонстрированные Англией на море, были следствием не усиления ее собственного флота, а следствием ослабления на море ее противников. В английском флоте периода правления королевы Анны мы не найдем людей того же масштаба, которых можно было встретить у англичан за 40—50 лет до этого, или столетием позже. То есть никого, кого можно было бы поставить в один ряд с Робертом Блэйком, Джорджем Монком или с Горацио Нельсоном. Лучшими английскими адмиралами Войны за испанское наследство оказались Джон Бенбоу и Джордж Рук.

Адмирал Бенбоу имея двукратный перевес в линейных судах и корабельных орудиях не смог организовать атаку своей эскадры на корабли французского адмирала Дюкасса. В первых числах августа 1702 года, у города Санта-Марта, в Вест-Индии, семь английских линейных кораблей перехватили четыре французских. Дюкасс ушел благодаря тому, что капитаны английских судов, по непонятной причине, не последовали в атаку вслед за Бенбоу. В своем письме к английскому адмиралу, Дюкасс посоветовал повесить тех трусов, благодаря которым он избежал разгрома и двоих из них впоследствии действительно повесили. Адмирал Бенбоу прославился и был возведен в ранг национального героя, благодаря тому, что во время сражения у Санта-Марты он получил тяжелое ранение в ногу, но не покинул палубу и не оставил командования. Раздробленную ногу ампутировали, но адмирал Бенбоу от последствий ранения все равно умер.¹²

Адмирал Рук руководил английским флотом в единственном большом сражении, которое состоялось между морскими силами Англии и Франции в эту по-преимуществу сухопутную войну. Сражение, в котором приняло участие по 50 линейных кораблей с каждой из сторон, произошло у испанского побережья вблизи Малаги, 24 августа 1704 года. Как принято считать, это столкновение стало образцом совершенной тактической бесхитрости проявленной сразу обеими сторонами. Морское сражение у Малаги явилось эпизодом борьбы за Гибралтар. Адмиралу Руку противостояли корабли французского флота, базировавшиеся в Тулоне.

Рук также неудачно действовал против Кадиса – главной морской торговой базы Испании, к которой он отправился в самом начале войны. Однако из тактической невзрачности Рука, который, повторим, считается лучшим английским адмиралом Войны за испанское наследство, не следует, что это был плохой адмирал. Как морской стратег он был значительно

---

¹² Мэхэн А. Т. Роль морских сил в мировой истории. – М., 2008. – С. 241.

лучше, чем как тактик и именно его действиям Англия обязана приобретением таких стратегически важных форпостов в Средиземноморье как Гибралтар и Маон. По большей части именно адмиралу Руку Англия обязана вступлением в Войну за испанское наследство Португалии, а также важными торговыми преференциями, полученными от Португалии. Эти преференции, после того как война закончилась, в буквальном смысле озолотили британский торгово-промышленный класс.

В чем состояли причины стратегических побед Рука? Однозначно не в силе английского флота, а в отсутствии у него достойных соперников и также, в умении англичан использовать этот факт. Казалось, что в самом характере английской нации скрывалось понимание того, что такое флот и как этот флот должен действовать, чтобы выгода от его существования была максимальной. Английская стратегическая доктрина, облаченная в чеканную формулировку адмирала Торрингтона – «Fleet in being», подразумевала, что сила флота покоится на одном лишь факте его существования. Если морская сила не скомпенсирована силами противодействующих ей сторон, то независимо от того, насколько она хороша, или плоха, эта сила становится самостоятельным политическим фактором и ключом к успешному разрешению стратегических и геополитических задач. Успехи англичан в Войне за испанское наследство и исключительно благоприятные для Англии результаты этой войны, следует приписать факту существования именно такой нескомпенсированной морской силы. Именно существованию, а не ее практическому действию и тем более не ее состоянию, по-правде говоря, далеко не идеальному.

Нет смысла описывать все сухопутные кампании, которые воюющие стороны разыгрывали между собой за долгие 13 лет войны. Отметим только то, что Франция оказалась не готовой не только к боевым действиям на море, но и к боевым действиям на суше. Сухопутные войска союзников на этот раз оказались в руках талантливых военных предводителей. Наибольшей известности среди них добились английский герцог Мальборо и австрийский полководец Евгений Савойский.

Принц Евгений Савойский приходился племянником кардиналу Мазарини. Во Франции ему была уготована церковная карьера, но сердце молодого человека без остатка принадлежало войне и оружию. Не имея возможности проявить себя на военной стезе у Людовика XIV, Евгений перебрался к его противнику – австрийскому императору. Со временем, приобретя драгоценный боевой опыт в сражениях с турками и в войне Аугсбургской лиги, Евгений Савойский стал замечательным полководцем. На равной ступени с Евгением Савойским из французов стояли в те времена, разве что маршал де Виллар и маршал Вандом.

Джон Черчилль 1-ый герцог Мальборо, получил место командующего союзными войсками по протекции. Дело в том, что его супруга находилась на равной ноге с королевой Анной. Женщины дружили и при личном общении, а также в переписке, обходились без титулов. Тем не менее, это был тот случай, когда протекция сыграла положительную роль. Герцог Мальборо, как и его супруга был горд, властолюбив и заносчив, но он оказался весьма способен как полководец и при равных условиях неизменно выигрывал у французов.

Начальная фаза Войны за испанское наследство оказалась крайне неудачной для Людовика. Завершилась эта фаза 13 августа 1704 года сражением при Бленхейме, которое подвело черту под военными усилиями французов, австрийцев и англичан в Германии. Баварский союзник Людовика XIV был выведен из войны, возникла угроза переноса боевых действий на территорию непосредственно самой Франции. Но эта угроза, если не считать неудачной осады в 1707 году Тулона, не была реализована. Военные действия в Европе разбились на серию имевших неопределенные результаты, но при этом весьма кровопролитных сражений в Италии, Фландрии и Испании. Союзники попытались завоевать последнюю для своего кандидата на испанский престол – Карла III Габсбурга. Однако решающее значение для послевоенного баланса сил имели вовсе не эти сражения, а действия адмирала Рука.

Формально изменение позиции Англии относительно французского кандидата на испанский престол оказалось связано с тем, что после смерти Якова II Стюарта, французский король признал права на английский престол за сыном последнего, молодым Яковом III. В ответ на этот недружественный шаг, правительство королевы Анны отказало в признании испанским королем внуку Людовика, и признало в указанном качестве австрийского претендента. Стремление прогнать из Испании Филиппа V Бурбона, чтобы силой посадить на его место Карла III Габсбурга (брата австрийского императора Иосифа I), предопределило перенос центра тяжести военных усилий союзников на территорию Испании. Английский флот адмирала Рука в активную фазу этой войны, оказался, таким образом, связан необходимостью поддержки Карла III на Пиренейском полуострове. По этой причине, англичане не сумели предпринять решительных шагов по захвату испанских колоний, как планировали изначально. Зато Англия, воспользовавшись моментом, сумела приобрести (и удержать за собой) несколько стратегически важных точек в западном Средиземноморье. Особенно большое значение, как мы уже отмечали, имел захват в 1704 году Гибралтара. Эта крепость контролировала выход из Средиземного моря в Атлантический океан и учитывая превосходство английского флота над флотами средиземноморских государств, контроль над Гибралтаром означал переход всего «Mare Nostrum» на два предстоящих столетия в руки англичан.

Упомянутое выше морское сражение при Малаге было связано именно с борьбой за Гибралтар. Испанская крепость была слабо укреплена, англичане этим воспользовались, высадив на полуострове десант. Французы и испанцы опомнились слишком поздно, они попытались отбить Гибралтар у морской пехоты Рука. Для этого из Тулона, по направлению к Гибралтарскому проливу вышел французский флот, чтобы блокировать крепость с моря. Одновременно предполагалось начать наступление на суше. Де Турвиль умер в 1701 году и все, что французы смогли сохранить от его флота, вручили графу Тулузскому – внебрачному сыну Людовика XIV, человеку двадцати шести лет отроду.

В сражении у Малаги стороны выстроились в две линии, так что на траверзе каждого из их кораблей находился вражеский корабль, и практически не маневрируя, с 10 часов утра до 5 часов вечера, палили друг в друга. Такой бой не выявил победителя, хотя сильнее пострадали и в худшем положении по его итогам, оказались английские корабли. Англичане бомбардировали Гибралтар во время высадки десанта и некоторое время до этого крейсировали в море, поэтому к началу сражения они имели неполный боезапас. Однако граф Тулузский не использовал всех преимуществ сложившейся ситуации, и после семичасовой артиллерийской дуэли увел свои корабли обратно в Тулон, отправив в Версаль донесение о победе. Фактически, покинув место сражения и отказавшись от блокады Гибралтара всеми силами французского флота, граф Тулузский отдал победу в руки англичан. Последовавшая за тем отправка графом Тулузским к осажденной английской крепости десяти линейных кораблей, была совершенной глупостью. За неравенством сил эти суда были легко уничтожены англичанами. Неоднократные атаки Гибралтара испанскими войсками со стороны суши результатов также не дали. После морской кампании 1704 года французский военно-морской флот был окончательно дискредитирован во Франции. Денежные средства, выделяемые на его содержание, сокращались с каждым годом, служба на флоте с каждым годом полагалась все менее престижной для французских дворян.

Завершая рассказ о стратегических успехах Рука, следует отметить его операцию против галеонов Виго. Эта операция не стала морским сражением в классическом понимании этого слова. Еще до захвата Гибралтара, потерпев неудачу у Кадиса, Рук решил воспользоваться сведениями предоставленными разведкой и напасть в бухте Виго на испанские галеоны, недавно вернувшиеся из Вест-Индии с грузом драгоценных металлов. Охранение из французских военных кораблей оказалось недостаточным, береговые батареи испанцев слишком слабыми, и серебряные галеоны были сожжены Руком на якорной стоянке. Значение операции

против галеонов Виго, состояло не в материальном ущербе, причиненном испанской короне, а в том впечатлении, которое это событие оказало на короля Португалии. Будучи очевидцем совершенной беспомощности испанцев против действий английского флота, португальский король принял решение выступить на стороне возглавляемой Англией коалиции. Помимо этого был заключен торговый договор, так называемый «Метуэнский трактат» (1703), по которому гарантировалась монополия Англии на торговлю с Португалией. Англичане могли беспошлинно ввозить во владения португальского короля и в том числе в португальские колонии, свои промышленные товары (что нанесло фатальный удар по слабой португальской промышленности). С другой стороны, в Англию, к неподдельной радости богатых португальских помещиков, на выгодных условиях, начало поставляться португальское вино.

***

26 июня 1706 года войска антифранцузской коалиции вступили в Мадрид. На этом их успехи на Пиренейском полуострове закончились. Общественное мнение в Испании, как вскоре выяснилось, было настроено против англичан и их приспешников португальцев. В силовом навязывании в обход завещания утвержденного папой римским, Карла III Габсбурга, испанцы, еще не потерявшие за прошедшие два столетия своего национального высокомерия, разглядели оскорбление. Ни простолюдины Кастилии, какими бы бедными не были они при своих прежних правителях, ни кастильская знать, не захотели мириться с австрийским претендентом на испанский престол. Следующий год (1707) в Испании был заполнен партизанской войной (за исключением Каталонии) и успешными операциями французских войск, попытавшихся вернуть в Мадрид изгнанного оттуда Бурбона. К началу 1708 года большая часть Испании Филиппом V была отвоевана. Однако именно в этот переломный момент, присутствие духа стало изменять Людовику. «Король-солнце» отправил к англичанам переговорщиков, для того чтобы прозондировать почву для мира. Людовик был готов пожертвовать испанским тронном внука, и все чего он хотел в сложившихся условиях – это Неаполь и Сицилию, как компенсацию Филиппу Анжуйскому. Предложение было унижительным для французов, но другого выхода Людовик не видел. Англичане ответили отказом и со своей стороны выдвинули еще более жесткие условия, с которыми уже не согласился Людовик.

Война стала приобретать затяжной характер. Через несколько лет бессмысленного кровопролития, до англичан стало доходить, что, даже используя потенциал всех своих союзников, они не смогут нанести Франции окончательного поражения и задвинуть эту страну на европейские задворки. Почти все выгоды, которые Англия была в состоянии извлечь из этой войны, ею уже были получены. Общие военные расходы (армия, флот, плюс субсидии союзникам) достигли астрономической для той эпохи суммы в 150 миллионов фунтов стерлингов. Эти расходы потребовали введения в Англии дополнительного земельного налога, который охладил интерес к войне, прежде всего в рядах влиятельной земельной аристократии. Очередные выборы в Парламент продемонстрировали рост популярности консервативных тори, выступавших за осторожную внешнюю политику. Стал впадать в немилость при дворе королевы Анны один из лидеров вигов, главный герой Войны за испанское наследство – герцог Мальборо. Однако решающим фактором, который склонил чаши весов в пользу мира, стала смерть австрийского императора Иосифа I. Во главе Священной Римской империи встал его брат Карл VI, одновременно бывший претендентом на испанскую корону под именем Карла III. Объединение Священной Римской империи и Испании под властью одного монарха, как уже отмечалось, не отвечало английским интересам.¹³

---

¹³ Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. – М., 2016. – С.,51.

Сепаратный мир между Англией (с 1707 года Великобритания) и Францией получил название Утрехтского мира. Заключен он был 1713 году и сепаратным стал потому, что Австрия, не удовлетворенная фактическим положением дел, изъявила желание продолжать войну. Лишившись большинства союзников и оказавшись один на один со все еще многочисленной французской армией, австрийцы были разгромлены. От маршалов де Виллара и Вандома австрийцев не спас даже полководческий талант Евгения Савойского. Уже через год (1714) между Францией и Австрией был заключен так называемый Раштаттский мир, который подвел окончательную черту под Войной за испанское наследство.

Франция не потеряла ни пяди исторической территории в Европе и удержала за собой Страсбург. Франция, добилась, как казалось главного – она посадила на испанский престол своего ставленника, Филиппа Анжуйского. Великобритания закрепила за собой отобранные у Испании Гибралтар и Менорку, гарантировавшие ей контроль, по крайней мере, над западным Средиземноморьем. К Великобритании отходил небольшой остров Святого Христофора в Вест-Индии и внушительные территории во французской Америке – остров Ньюфаундленд и Новая Шотландия, которые входили в состав французской колонии Акадия. Эти заснеженные северные территории были, по всей видимости, не очень интересны французам, но зато они представляли интерес для англичан.

Важной для Великобритании гарантией сохранения баланса сил в Европе, было условие, лишавшее испанских королей права наследовать французский престол. Приобретения Великобритании не ограничивались приращением территорий, страна окончательно приобрела статус мировой колониальной державы, потеснив с морских путей сообщения флоты других европейских государств. Английские торговцы заполучили асьенто – монопольное право на ввоз африканских рабов в испанские колонии. Кроме того, в связи с экономическим кризисом, охватившим Францию, Англия устранила (по крайней мере, на время) угрозу французского доминирования в континентальной Европе.

Испания как государство потеряла больше других. В Европе страна лишилась по сути всех своих территорий, находившихся за пределами Пиренейского полуострова. Испанские Нидерланды стали Австрийскими (современная Бельгия). Небольшие участки земли за счет Испании получили Голландия и Пруссия. Австрия, помимо Бельгии, удовлетворила свои аппетиты присоединением Сардинии, Милана и Неаполя. Еще одно владение испанской короны – Сицилия, по решению союзников, перешла к Савойе. Голландия после Войны за испанское наследство окончательно вошла в лигу второразрядных европейских государств. Эта страна во время войны не смогла даже покрыть установленную соглашением с Англией, квоту по военным кораблям. Недостающие суда вместо Голландии выставляла Англия.

Запустение и крайняя нищета царили во Франции. Замученное неподъемными налогами и обескровленное постоянными неурожаями французское крестьянство, исчезало на глазах. Крестьяне, в буквальном смысле этого слова, вымирали. Плодородные поля зарастали сорняками. Как будто мало было одной войны, казалось, сама природа ополчилась на французскую бедноту. Свидетели эпохи отмечают резкий рост популяции волков, заповивших центральную Францию. Волчьи стаи резали скот. Отмечались многочисленные случаи нападения волков на женщин и детей. Согласно свидетельствам только в районах городов Шартр и Ментенон от нападения волков пострадало не менее 500 человек. Но это были, разумеется, смешные цифры, если сравнивать их с количеством французов, убитых во время военных конфликтов, и особенно с числом тех бедняков из сельских местностей Франции, которые умерли от недоедания, или от связанных с голодом болезней.¹⁴

Военные действия не велись непосредственно на территории королевства, но костяк тех многочисленных армий, которые выставляла Франция, составляли вчерашние крестьяне.

---

¹⁴ Ферро М. Указ. раб. – С. 209.

Повсеместное использование линейного строя, когда пехота действовала в нерасчлененных порядках, приводило к высокому проценту потерь. Самая первая из войн Людовика XIV, завершившаяся Пиренейским миром (1659), унесла по некоторым оценкам, 108 тысяч жизней. Третья англо-голландская война, начатая в 1672 году французским королем вторжением в испанские Нидерланды, и затем продолженная Францией без участия Англии, привела к гибели в общей сложности 342 тысяч человек. Война Аугсбургской Лиги унесла 680 тысяч жизней, Война за испанское наследство – 1251. Это, разумеется, общие цифры, включающие в себя безвозвратные потери всех участников военных конфликтов на всех театрах.¹⁵

Что касается потерь Франции от голода, то за один единственный – 1693/1694 год страна, по оценкам историка Марселя Лашивера, потеряла до 1,5 миллионов человек. Часть из них умерла из-за отсутствия еды (цены на пшеницу взлетели с 9 до 72 ливров за сетье), часть от пришедших вслед за голодом болезней. Считается, что зима 1693/1694 годов стала крупнейшей после чумы 1346 года демографической катастрофой в истории Франции. Непосредственными причинами голода стало разорение значительной части французского крестьянства и исключительно холодные зимы (одно из следствий наступления малого ледникового периода). Помимо этого, был еще голод 1709—1710 годов. Он был не таким страшным, как голод 1693/1694 года, но и он также остался в памяти французов.¹⁶

***

*Я двор зову страной, где чудный род людей:
Печальны, веселы, приветливы, суровы;
По виду пламенны, как лед в душе своей;
Всегда на все готовы;
Что царь, то и они; народ – хамелеон,
Монарха обезьяны.*

Жан де Лафонтен.

Похороны Львицы («Les obseques de la Lionne»).

Скорее всего, не будет преувеличением утверждение, что Франция проиграла Англии в борьбе за колонии и за влияние в Европе из-за ошибок Людовика XIV. Это утверждение будет тем более справедливым, если оценивать его через призму политической формулы самого «короля-солнца», любившего, как говорят, проговаривать перед восхищенными взглядами придворных фразу: «государство – это я!». Многие свидетельствуют о том, что государство во Франции, действительно было низведено до состояния функции монархической власти, в то время как, например, в Англии, ситуация, была обратной – монархическая власть играла служебную роль по отношению к государству и ни в коем случае, не обращала себя в государство.

Французский король, если мы допускаем, что он не делил ни с кем своей власти, не может ни с кем делить и своей ответственности. Здесь, собственно, скрывается одновременно как сила, так и слабость абсолютизма, не стесняемого ни общественным мнением, ни волей парламента. Гениальному человеку, ничто (по крайней мере, изнутри) не мешает поднять доставшуюся ему в наследство страну на небывалую высоту, точно так же, как человеку бесталанному, родившемуся по воле случая королем, ничто не мешает все окончательно разрушить. В Англии, как первое, так и второе, было невозможно из-за ее политического строя, когда человеческая воля державшая руль и закладывавшая курс (исключая протекторат Кромвеля и времена правления Генриха VIII), не была волей кого-то одного, а всегда лишь среднеариф-

¹⁵ Там же. – С. 211.

¹⁶ Там же. – С. 210.

метическим выведенным из множества воль богатых, успешных и предприимчивых людей Англии. Представительное правление в Англии исключало резкие смены курса и наиболее грубые формы политического произвола. Так как коллективная глупость явление значительно более редкое, чем глупость индивидуальная, представительное правление исключало также и большую часть тех спонтанных ошибок, которые ведут свое происхождение от слабостей отдельно взятого человека, будь то недостаток ума, несбалансированность черт характера, или отсутствие воли.

И исторический пример Людовика XIV, это как раз пример такого рода. Людовик не был ни гением, ни его противоположностью, он не страдал отсутствием воли, однако ему как человеку заурядному, были присущи многочисленные недостатки, как в частной жизни (королевском быту), так и в политике. И все эти недостатки управляли королем. Несчастьем для Франции стало именно то, что в условиях абсолютной власти, эти недостатки не были скомпенсированы влиянием на монарха его подданных. Личность Людовика очень сложна для понимания, а сложна она потому, что за всем тем блеском и солярным антуражем, которым окружил себя этот король, невозможно рассмотреть его человеческую натуру. Амбициозные посредственности, как это известно, всегда нуждаются в маскировке.

На архетипичном портрете Людовика XIV кисти Гиацинта Риго 1701 года, закутанный в горностаевую мантию, уже немолодой король, приняв величественную позу, несколько карикатурно, словно игривый козлик, выставляет вперед свою обтянутую белым чулком ножку. По всей видимости, придворные внушили «королю-солнцу», что у него очень красивые ноги. Рассматривая многочисленные портреты Людовика, мы неизменно отметим на них блеск, роскошь, пафос (зачастую карикатурный) окружающего его фона, облаченную в дорогую одежду фигуру, как своего рода намек на облаченную в совершенную форму идею, но при этом, в чем парадокс, мы никогда не замечаем на этих картинах его лица, хотя оно там присутствует. У Людовика совершенно не запоминающееся лицо, в нем нет ни выражения, ни характерных черт, оно не вызывает интереса и не привлекает внимания, и кажется, нужно увидеть это лицо миллион раз, чтобы наконец-то его запомнить.

Король, чей рост был немногим больше 160 сантиметров, ввел придворную моду на высокие туфли с большими красными каблуками (современные лабутены). В такой обуви он казался выше. Облысевший из-за болезни, Людовик установил придворную моду на особенно пышные парики. Это маскировало лысину и также добавляло роста. Подобно тому, как король нуждался в различных технических приспособлениях, чтобы прибавить себе привлекательности, точно так же он нуждался для увеличения значимости его фигуры и в беспрецедентных эксцессах роскоши. Размеры и блеск двора, к которым он стремился скорее интуитивно, чем осмысленно, и на которых он никогда не экономил, должны были придать значение тому, что в чистом своем виде, никакого значения не имело. Это была показуха, призванная закрыть пустоту, однако, нет худа без добра, и эта показуха вследствие беспрецедентности ее масштабов, сама по себе, оказалась историческим событием и отразилась на культурном облике не только Франции, но и всей Европы.

Версаль – величественный дворцовый комплекс, какого еще не знала европейская цивилизация, строился и перестраивался до конца жизни Людовика. Так называемая, «четвертая строительная кампания» (возведение Королевской капеллы), завершилась в 1710 году, за пять лет до смерти «короля-солнца». Некоторые интерьеры (Салон Геркулеса) из-за отсутствия денег до 1715 года так и не были достроены. Начало возведению Версаля было положено в 1661 году. Причиной строительства называют зависть молодого монарха к Во-ле-Виконту – дворцу суперинтенданта финансов Николая Фуке. Весьма показательным, что поручение на разработку проекта королевской резиденции в Версале, получил ни кто иной как Луи Лево – архитектор Во-ле-Виконта. Позднее, скончавшегося Лево, близкого к классицизму, сменил барочный зодчий Жюль Ардуэн-Мансар. Над украшением интерьеров Версаля трудился зна-

менитый художник Шарль Лебрен, а за разбивкой садов и парков следил известный садовый мастер Андре Ленотр. Кроме, собственно королевской зависти, причинами создания Версаля было стремление Людовика к славе и по-видимому, также его неприязнь (из-за детских воспоминаний) к парижским дворцам – Лувру, Сен-Жермену и Пале-Роялю. Версальский комплекс, выстроенный на болотах, в двух десятках километров от центра Парижа, превосходил по размерам все остальные резиденции короля. Место для строительства было выбрано самим Людовиком XIV и было дорого королю тем, что на нем находился небольшой охотничий замок, о котором, у Людовика сохранились приятные детские воспоминания. Во время разработки строительных планов, король настоял на том, чтобы этот охотничий замок не был разобран, а в неизменном виде был включен в новый дворцовый ансамбль.

Строительство Версаля обошлось Франции очень дорого, Жан Батист Кольбер, как свидетельствуют источники, жарко спорил с королем об оправданности тех или иных расходов. Подряды, во избежание воровства, устанавливались по фиксированной цене. Подрядчик не имел права впоследствии предъявлять казне увеличенную смету расходов. Рабочих свозили со всей Франции, любая другая строительная деятельность в округе была запрещена. Двор официально переехал на новое место в 1682 году, когда строительство дворцового комплекса, по большей части, было закончено. Приблизительно 3 тысячи комнат, приблизительно 25 тысяч окон и от 3 до 4 тысяч постоянных обитателей, из числа которых около тысячи, составляла французская знать. Людовик XIV будто бы задался целью переселить в Версаль всю французскую аристократию. Дворяне вполне безопасны, если они находятся на глазах. Воспоминания о Фронде до конца жизни не давали королю спокойно спать.

Версаль в каком-то смысле породил новую аристократическую культуру, он стал идейным прародителем Галантного века. Культура остроумных дуэлянтов в стенах Версаля была заменена культурой придворных церемоний, лизоблюдства, чревоугодия, флирта и скрывавшегося под благопристойной маской разврата. Версаль установил совершенно новую систему ценностей для современной ему французской знати. Все лучшее, что дворянин теперь мог получить от жизни, он мог получить именно в Версале, и только из рук короля. Дворян, не показывавшихся в Версале, сторонились как проклятых, их презирали. Самым страшным из всех возможных нравственных приговоров было услышать из уст Людовика XIV: «Я никогда не вижу этого человека». Положение дворянина, его доходы, авторитет, влияние и даже самоуважение зависели от того как много времени он проводил в непосредственном окружении монарха: присутствовал на обедах Людовика, на его выходах, смотрел на королевский сон из-за специальной балюстрады и т. д.

Знаком особой милости и своего рода показателем жизненного успеха считалось приобретение апартаментов в Версальском дворце. Самые лучшие апартаменты занимал король, после него в очереди на привилегированное жилье следовали его официальные фаворитки, затем Мария Терезия – официальная супруга, далее члены семьи, и уже то, что оставалось, использовалось для размещения придворных. Известно о конфликтах, происходивших из-за жилых комнат Версаля. Потеря апартаментов и переезд аристократа из дворца в городскую гостиницу, воспринимались как неслыханное падение, и как нестерпимое унижение.

В этом щепетильном вопросе, между прочим, состояло одно из главных отличий английской аристократии от французской. Среди английской знати тон задавало сословие джентри – крупных и средних деревенских землевладельцев. Эти люди проводили львиную долю времени в своих родовых имениях, изолированно друг от друга. Джентльмены могли себе позволить размеренную и сытую жизнь на доходы, получаемые от арендаторов их земель. Они охотились, занимались коллекционированием, много читали, путешествовали и настойчиво избегали английского королевского двора и вообще столичного общества. От Лондона с его нечистотами, шумом, вонью и толкотней, английская знать шарахалась, как от чумы. Успех и благосостояние не зависели от близости к английскому монарху и поэтому двор, пребываю-

щего в вечном безденежье английского короля, никого не привлекал. То, что жизнь оставшихся на земле (после огораживаний) английских фермеров была лучше жизни французских крестьян, не было секретом. Об этом свидетельствовали все, кто имел возможность сравнивать. Но точно так же, еще более выгодным, если сравнивать с Францией, было положение английских дворян. Они обладали свободой и благодаря парламентскому правлению могли оказывать непосредственное влияние на жизнь своего государства. Можно сказать, что в Англии политическая жизнь крутилась вокруг аристократии, в то время как во Франции – исключительно вокруг короля.

Контраст покажется тем более очевидным, если принять во внимание, что строящийся, а затем постоянно перестраиваемый Версаль, при Людовике XIV, отнюдь не казался его современникам раем. По части внутренней жизни Версаля была вполне уместна аналогия с самой Францией. Внешне величественная и богатая страна, внушавшая ужас и восхищение всей остальной Европе, при ближайшем рассмотрении, оказывалась в состоянии разорения и упадка. Точно так же и комплекс Версаля, несмотря на совершенство его архитектурных форм, блеск золота и серебра, а также сияние дорогих нарядов его обитателей, как свидетельствовали современники, утопал в строительной пыли и неприятных запахах. Несмотря на внушительные размеры, дворцовый комплекс оказался перенаселен и, учитывая уровень технологий той эпохи, отнюдь не мог похвастаться образцовой санитарией. Ватерклозеты были изобретены в Англии только в конце XVIII века и для отправления естественных надобностей, обитатели Версаля использовали стульчаки. Выгребные ямы находились на удалении от жилых корпусов и далеко не всегда ночные горшки выносились слугами так, как того требовали правила. Ночами, когда никто не видел, их содержимое просто выливалось из окон дворца. С таким положением дел боролись, даже издавались какие-то акты, предусматривавшие строгие наказания. Ввиду общей нехватки уборных, за время долгих и крайне утомительных церемоний малую нужду на лестницах и по краям залов, справляли даже принцы крови. Ко всему этому следует добавить еще и то, что люди практически не мылись. Во всем Версале было лишь несколько ванн, самая известная из которых, больших размеров, изготовленная из порфира, находилась в покоях официальной фаворитки Людовика, маркизы де Монтеспан. Тем не менее, и эта ванна, использовалась для эротических игр, а вовсе не для мытья. Враждебному отношению к водным процедурам, как нельзя более способствовали медицинские воззрения той эпохи. Считалось, что контакт с водой открывает на коже человека поры и это делает организм беззащитным перед проникновением в него всевозможных миазматических хворей.

Сам Людовик XIV, как утверждают, мылся всего несколько раз в жизни. Это, скорее всего, преувеличение, хотя, с другой стороны, нет оснований не доверять многочисленным свидетельствам того, что от его величества практически все время исходил сильный и неприятный запах. У короля во второй половине его жизни наблюдались приступы сильной головной боли, причину которых он находил в парфюмерных ароматах, с помощью которых его придворные пытались перебить окружающий их смрад. Нежный аромат цветков апельсинового дерева был едва ли не единственным запахом, к появлению которого Людовик относился благосклонно. Известны случаи, когда из-за чересчур сильных духов, он выгонял из своей кареты даже маркизу де Монтеспан.

***

Маркиза де Монтеспан была второй по счету и, по всеобщему мнению, самой влиятельной официальной фавориткой короля. В этом качестве, в конце 1660-ых годов она сменила Луизу де Лавальер. Луиза была достаточно красивой, чтобы обратить на себя внимание молодого Людовика XIV, но недостаточно остроумной, чтобы через какое-то время ему не надоест.

Безответная любовь, как это хорошо известно, делает человека смешным. Герцогиня де Лавальер была сильно и безответно влюблена в Людовика. Она родила ему двоих детей и ужасно переживала утрату интереса со стороны короля. Последний же, словно издеваясь над своей бывшей любовницей, разместил де Лавальер рядом с покоями его новой фаворитки, маркизы де Монтеспан. Король даже требовал от женщин, чтобы они дружили. Луизе в конечном итоге удалось упросить Людовика, избавить ее от этой пытки и удалить ее от двора (отправив в монастырь).

Маркиза де Монтеспан была замужем и ее продолжительная внебрачная связь с Людовиком XIV была, таким образом, двойным адюльтером. Поведение короля вызывало осуждение со стороны католической церкви. Несмотря на состоявшуюся в 1685 году отмену Нантского эдикта, изгнание из Франции протестантских проповедников, а также репрессии против женского монастыря Пор-Рояль (борьба с яansenистской ересью), отношения Людовика с папским престолом оставляли желать лучшего. Причиной было, разумеется, не только открытое сожителство Людовика с чужой женой, но и в первую очередь, его галликанство (концепция, ставившая французского монарха выше папы в его взаимоотношениях с французским клиром). На закате своей жизни Людовик XIV тем не менее отличался чувственной умеренностью и религиозностью. В этом была заслуга его третьей официальной фаворитки, а после смерти Марии Терезии Испанской, его новой, мorganистической жены – маркизы де Ментенон.

Французам де Ментенон к Людовику XIV привела, как это ни парадоксально, сама маркиза де Монтеспан. Последняя подарила королю семерых внебрачных детей. Де Ментенон была назначена их воспитательницей. Маркиза де Монтеспан придирчиво отбирала кандидатов на эту важную роль. Ответственная и чересчур серьезная де Ментенон, как казалось, не должна была привлекать короля, ценившего в прекрасной маркизе де Монтеспан не только внешность, но также ее сексуальную распушенность и эфирный налет куртизанки. Вопреки ожиданиям, по мере старения маркизы де Монтеспан и самого короля, совершенно не склонная к любовным интригам де Ментенон стала обращать на себя внимание короля. В конечном итоге, как натура более сильная, де Ментенон в бытовом плане подчинила себе монарха. Падению де Монтеспан, кроме ее физического увядания, способствовало уголовное дело парижских отравителей. На допросах, из уст изготовителей ядов, прозвучало имя маркизы де Монтеспан. Как стало известно, прекрасная маркиза закупала у преступников приворотные зелья (то, что она приобретала эти зелья для того, чтобы опаивать ими короля, ни у кого сомнений не вызывало). Вообще, нужно отметить, Людовик XIV любил женщин, а женщины, несмотря на неприятный запах, исходивший от его величества, любили короля. Помимо трех официальных фавориток, у еще не старого Людовика XIV было множество других любовниц, близость с которыми носила либо эпизодический характер, либо была одноразовой. Под конец своей жизни, как это отмечалось выше, король под влиянием мадам де Ментенон стал придерживаться в своей личной жизни очень строгих правил.

Людовик XIV прожил по меркам своего времени долгую жизнь, пережив последовательно нескольких своих наследников. Когда в 1715 году «король-солнце» умер, если не принимать во внимание его внука Филиппа Анжуйского, формально потерявшего право наследования французского престола, из-за принятия им испанской короны, единственным прямым наследником Людовика XIV оставался его правнук. Этот правнук, будучи пятилетним ребенком и был возведен на французский престол под именем Людовика XV.

Вообще, удивления достойно не здоровье Людовика XIV, которое ни в коей мере нельзя было назвать идеальным, а способность короля героически справляться со всеми его недугами. Если можно так выразиться, удивления была достойна живучесть короля, которую он демонстрировал в борьбе не только со всевозможными болезнями, но и с теми бесчеловечными методами лечения, которые практиковали его придворные медики. «Король-солнце» болел всегда. У него отмечалось кровотечение в младенчестве, оспа, когда ему было 9, в 17-летнем возрасте

он заразился гонореей. Через 5 лет последовал тиф, лишивший монарха большей части волос на голове. Затем пришла корь. После этого (предположительно) явилось поражение ленточным червем. В 47 лет (1686) король страдал от анального свища, который пришлось удалять хирургическим путем, специально изготовленным кривым и гибким скальпелем. Деликатная операция проводилась в королевской спальне, в Версале, без всякой анестезии. Если не считать хирургических вмешательств, способы лечения, в те времена были весьма ограничены. Преобладали кровопускания и промывания желудка. Людовик чересчур много ел. Причину неуемного аппетита находили в присутствии ленточного червя в королевском животе. Освобождения желудка добивались слабительным – взрывоопасной смесью из змеиного порошка, ладана и лошадиного помета. Если верить придворным журналам, Людовик XIV сидел на стульчаке не менее четырнадцати раз в день. Даже один из тронов монарха был устроен с ночным горшком внутри. Надо сказать, что дворцовые мероприятия не всегда прерывались на это время, и оставаться при короле в такие моменты, считалось большой честью.

Из записей придворных журналов следует, что Людовик XIV никогда не оставался один. Это был какой-то непрерывный и нескончаемый театр одного актера. Придворные следили за Людовиком, когда он спал, когда он ел, когда он одевался и раздевался, когда он восседал на своем стульчаке. Мы, уже не упоминаем о тех подчиненных сложному ритму, исполненных не то достоинства, не то карикатурной патетики, официальных церемониях, вроде выходов монарха, малых и больших приемов, малых и больших обедов и т. д. Чтобы разобраться во всех условностях Версальского двора, в положении его придворных и во всех тонкостях, его пропитанных завистью и флиртом человеческих отношений, требуется специальная подготовка.

В некоем усредненном варианте своего трудового дня, Людовик XIV пробуждался камердинером в условленный им накануне час словами: «Сир, пора!». Пробуждение и облачение в одежды происходило при большом стечении народа, где всякому придворному отводилось строго определенное место, сообразно его рангу. Женские и мужские покои Версаля были разделены. Дамы присоединялись к мужчинам, когда король шествовал на мессу, и присутствовали во время трапез короля. Первый прием пищи Людовик осуществлял почти всегда один. Придворные просто смотрели, как ест их король. Вечерняя трапеза была наиболее обильной и за столами вместе с монархом размещалась лучшая часть двора. Искусные французские повара вываривали специально для Людовика фазанов и куропаток по десять, а то и по двенадцать часов, до состояния кашицы. Во второй половине жизни Людовик XIV не мог жевать, так как в его ротовой полости практически не осталось зубов. Проблемы с зубами были отличительной чертой высших слоев общества той эпохи. Низы не могли себе позволить большого количества сахара. Однако виновником полной беззубости короля был вовсе не кариес, а новая доктрина доктора Дака. Убежденный в том, что главным рассадником болезней являются больные зубы, эскулап убедил Людовика XIV удалить, пока не поздно, еще и здоровые зубы. За этим якобы стояли передовые медицинские воззрения эпохи и Людовику выпала честь стать здесь первооткрывателем. При удалении еще крепких здоровых зубов, врач умудрился сломать своему пациенту нижнюю челюсть и вырвать кусок неба. Челюсть зажила, а вот часть неба у Людовика XIV с тех пор отсутствовала и пища, во время обильных трапез, постоянно застревала между ртом и носом короля.

Несчастья Людовика, выдерживавшего в последнее десятилетие его правления не только физические, но еще и нравственные страдания, закончились в 1715 году, с его смертью. Период с 1700 по 1715 годы, когда король стал свидетелем ухода из жизни его наследников, падения престижа королевской власти и экономического упадка Франции, принято называть «зимой» Людовика XIV. 76-летний монарх все еще державшийся в седле и предпринимавший небольшие конные прогулки, подобно своему заклятому врагу Вильгельму III Оранскому, неудачно упал с лошади. Король повредил ногу, поврежденная нога распухла и вскоре началась гангрена. Выходом была ампутация, но «король-солнце» наотрез отказался от операции, выбрав

смерть. 1 сентября 1715 года, после продолжительной агонии, не дожив всего нескольких дней до своего 77-летия, он скончался. Великий век Франции со смертью Людовика XIV закончился, на смену ему пришла Галантная эпоха.

Галантный век

Изменения произошли практически сразу. Или, точнее, стали заметны практически сразу, так как коснулись в первую очередь находившегося у всех на виду двора. Человеком, в чьих руках теперь была сосредоточена абсолютная власть во Франции, оказался племянник Людовика XIV, сын его младшего брата – Филипп II Орлеанский. Известно, что начиная со смерти герцога Орлеанского, своего отца (в 1701 году), этот человек, исполненный больших личных амбиций, находился не в самых лучших отношениях со своим венценосным дядей. Тем не менее, Людовик XIV перед смертью, все же назначил его регентом при малолетнем Людовике XV, ограничив власть Филиппа регентским советом, в котором ключевую роль должен был играть герцог Мэнский. Герцог Мэнский был одним из внебрачных сыновей Людовика XIV, рожденных маркизой де Монтеспан и воспитанных мадам де Ментенон. Между регентом и членом регентского совета началась борьба за власть, окончившаяся довольно скоро убедительной победой Филиппа Орлеанского. Регент просто-напросто кассировал завещание Людовика XIV в Парижском парламенте и в обмен на встречные уступки, добился от судей признания недействительными условий о регентском совете.

Филипп Орлеанский имел репутацию умного, властолюбивого и необычайно развратного человека. Об устраиваемых им в королевском дворце сексуальных оргиях, ходили, по всей видимости, преувеличенные слухи. И, тем не менее, не приходится сомневаться, что по тому чопорному и благочестивому укладу жизни королевского двора, который был создан усилиями мадам де Ментенон, регент нанес совершенно безжалостный удар. Во-первых, королевский двор оставил Версаль и переехал в Париж, во дворец Пале-Рояль. Во-вторых, кардинальным образом поменялась сама атмосфера двора, куда вернулись ранее изгнанные комедианты, и который заполнили с моральной точки зрения более чем сомнительные персонажи. Добродетель мадам де Ментенон отныне принимали за ханжество. Над вдовой старого короля открыто смеялись. Лицемерие было отброшено, наслаждений никто не стеснялся, флирт, а зачастую неприкрытое распутство, стали правилом. На фоне морального разложения двора, на фоне новой экономической, новой международной и новой религиозной политики, у некоторой части простого люда даже сложилось убеждение, что Филипп Орлеанский продал душу дьяволу. Во всяком случае, когда в 1723 году регент скончался от оспы, многие французы были уверены, что за его душой в покои Версаля (к тому времени двор вернулся в Версаль) приходил сам сатана.¹⁷

Временщик поставил перед собой цель порвать со всяким наследием предыдущего короля. Если во второй половине правления Людовика XIV во Франции торжествовала католическая реакция, то при регенте, к явному неудовольствию ревностных католиков, произошло заметное смягчение религиозной политики. Филипп был индифферентен к религии. Если последние годы жизни Людовика XIV прошли под знаменем борьбы с севенскими камизарами – последними гугенотами Франции и под знаменем преследования янсенистской ереси, то правление Филиппа Орлеанского было отмечено гонениями на иезуитов – самых активных и наилучшим образом организованных проводников католицизма во Франции. Если во французской внешней политике, вторая половина правления Людовика XIV была исполнена неприемимой вражды к Англии, то при Филиппе Орлеанском, Англия была переведена, во многом, разумеется, искусственно, в разряд стратегических партнеров Франции. Если вторая половина

---

¹⁷ Егер, Оскар. Всеобщая история стран и народов мира. – М., 2019. – С. 643.

правления Людовика XIV ознаменовалась взрывным ростом государственного долга и коллапсом французской экономики, то при Филиппе Орлеанском, в результате одной грандиозной аферы, произошло погашение значительной части государственного долга, и был дан мощный импульс к развитию внутренней и внешней торговли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.